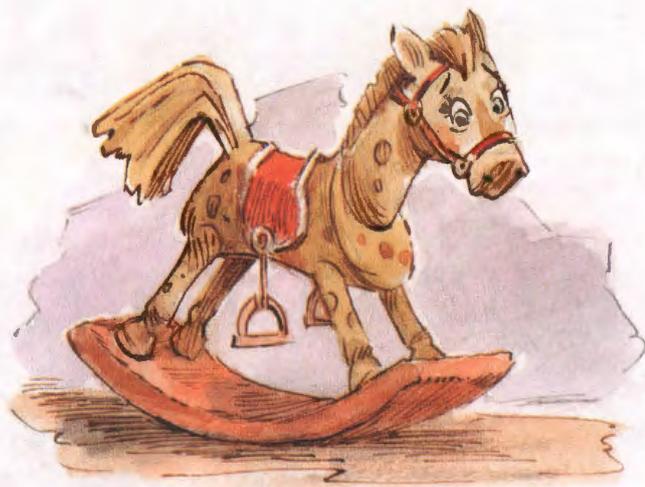

84(3)
B38

Анне-Кам.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
ПЕРЕЕЗЖАЕТ**

Анне-Кат.
Вестли

**УЛЕ-АЛЕКСАНДР
ПЕРЕЕЗЖАЕТ**

Перевод с норвежского *О. Дробот*

Художник *Вадим Челак*

Москва
«Махаон»
2018

84(4Hop)

НА АВТОБУСЕ В ОДИНОЧКУ

Ида, Оливер, Монс и Уле-Александр сидели на ступеньках широкой каменной лестницы большого высокого дома.

– Я завтра уезжаю, – сказала Ида. – Мы с мамой и папой поедem в отпуск. А потом я, наверно, съезжу отдохнуть с тётей Петрой, но это пока неизвестно.

– А я уеду послезавтра, – сказал на это Монс.

– Туда, где ты раньше жил? – спросил Уле-Александр.

– Ага. Там летом очень много работы, папа хочет помочь. А я ему помогу, косить буду и всё такое.

– Ты на хуторе, что ли, будешь жить? – спросила Ида.

– Ага, на хуторе, только маленьком, дядином.

– И я уезжаю, – сказал Оливер.

– А ты куда? – оживилась Ида. Ей страсть как хотелось всех расспросить и всё узнать.

– В лагерь. Я уже в прошлом году ездил.

Уле-Александр молчал, злился и наконец не выдержал:

– Да что ж такое! Можно подумать, вы уже разъехались – только о том и говорите.

- А ты разве никуда не едешь? – спросила Ида.
- Нет, не еду. Папа перешёл на новую работу, ему отпуск пока не положен. Но мы будем каждую субботу и воскресенье путешествовать на машине.
- Понятно, – кивнула Ида.
- Зато на следующий год у нас будет большой настоящий отпуск, потому что папа так сказал.
- Ждать долго придётся, – заметил Монс.
- Ну да, – протянул Уле-Александр.
- Мне домой пора, собираться, – сказала Ида.
- Угу, – только и ответил Уле-Александр.
- Они распрощались и разошлись. На следующий день Ида уехала, следом Монс, спустя несколько дней исчез Оливер, и Уле-Александр остался в городе один-одинёшенек.

Это было, конечно, не совсем правдой, многие ребята никуда не уехали, но их Уле-Александр не знал, а его друзья разъехались, поэтому жизнь казалась ему пустой и грустной.

Но вдруг пришло письмо от Монса. Писала, конечно, мама Монса, но он сам диктовал ей. И вот что говорилось в письме:

«Дорогой Уле-Александр, ты ведь в городе, а я тут, в деревне. Я подумал, что хорошо бы и тебе приехать сюда, и мама говорит, что можно. В одиннадцать часов от площади идёт автобус номер “19”, если ты на него сядешь, мы тебя встретим на нашей остановке, честное слово. Скажи водителю, что тебе до поворота на Оппедал, он поймёт. Можешь гостить у нас сколько хочешь, мама говорит, прокормить парня, как ты, ничего не стоит. Только не забудь тёплую одежду, вдруг погода испортится. Добро пожаловать!

Твой верный друг Монс».

– Ого-го-го! – обрадовался Уле-Александр. – Мама, прочти ещё раз!

И мама прочла письмо второй раз.

– Значит, я правда могу поехать в деревню! Ого-го-го! Только, чур, ты поедешь со мной, и Кроху с Пуфом возьмём. Жалко, у папы отпуска нет. Не сможет он поехать с нами.

– И я не смогу, – ответила мама, – и Кроха с Пуфом тем более. В гости зовут тебя.

– Так это мне одному надо ехать? Неизвестно куда на автобусе?

– Да, – кивнула мама. – Подумать только, какой у меня взрослый сын – один уезжает в гости за город! Но учти, ты не должен быть обузой для мамы Монса, у неё и так забот полным полно. Будь добр помогать ей – как говорится, отрабатывать свой хлеб. Договорились?

– Ещё бы! – сказал Уле-Александр. – Я буду косить и всё такое.

– Когда ты хочешь ехать? Давай в среду – это через два дня.

– Ещё два дня? Хм, ну ладно, договорились.

– Тогда пойду сразу им напишу, – сказала мама.

Весь день Уле-Александр думал только о том, что скоро поедет в гости. Далеко в деревню, совсем ему незнакомую. А к вечеру спросил задумчиво:

– Мама, а ты точно уверена, что тебе не надо поехать в деревню со мной вместе?

– Да, Уле-Александр, уверена.

– А что же я буду делать, если опять потеряю носки, а тебя нет?

– Давай потренируемся, у нас ещё есть два дня. Постарайся следить за своими вещами сам и не дёргать меня вопросами без крайней нужды.

Пока они разговаривали, Уле-Александр разделся и теперь натягивал на себя пижаму.

– Я тебе советую с вечера аккуратно складывать свои вещи на стул у кровати, – сказала мама, – тогда не придётся искать утром по всему дому.

– Я почти всегда так и делаю.

– Но иногда забываешь.

– И всё равно они утром всегда лежат на стуле, – ответил Уле-Александр.

– Сам подумай, как так получается, – хитро улыбнулась мама и добавила: – Всё-таки постарайся сам следить за своими вещами.

– Конечно, послежу, это легкотня, – сказал Уле-Александр.

Носки отыскались довольно быстро: один под кроватью почти у самой стены, второй в башмаке. Трусы, как оказалось, Уле-Александр кинул на подоконник, а комбинезон положил просто на пол. Вот только у ботинок был такой вид, будто они приплясывают на месте.

– Давай сразу научу тебя одной хитрости, – сказала мама. – Если ботинки промокли, натолкай в них с вечера газет, они к утру высохнут.

– Ох, что-то много всего помнить надо, – вздохнул Уле-Александр.

– Всё будет хорошо, – успокоила его мама, – а теперь спи, спокойной ночи.

В среду с утра пораньше Уле-Александр вышел в коридор с рюкзаком за спиной, маленьким чемоданом в одной руке и плащом в другой и сказал:

– Мама, разве нам не пора?

– Ещё рано. До автобуса два часа, на остановке ждать скучно.

– Лучше поскучать, чем опоздать, – ответил Уле-Александр.

– Давай ты для начала позавтракаешь, – сказала мама. – И сними с себя рюкзак пока.

– Я вчера объелся, есть совсем не хочу.

– Ну не выдумывай. Кроха обидится, если ты не сядешь за стол вместе с ней.

– Хорошо, хорошо, я сяду. А то ведь я Кроху долго не увижу.

Уле-Александр с трудом заставил себя проглотить половину бутерброда. Но пришлось целую вечность ждать, пока мама всё доест. Выйдя из-за стола, Уле-Александр сел с вещами в коридоре и стал ждать.

В конце концов мама опомнилась. Оделась сама, одела Кроху в комбинезон и белую панамку и сказала, что готова идти. Пуф оставался дома, Уле-Александр распрощался с ним на дорожку.

Автобусов на площади было не счесть, но мама нашла нужный и договорилась с водителем, что он скажет Уле-Александру, когда будет поворот на Оппедал.

– Ехать почти два часа, – предупредила мама. – Так что сиди спокойно, смотри в окошко.

Мама вместе с Уле-Александром зашла в автобус, положила на полку чемодан и рюкзак, а плащ повесила на крючок у окна.

– Ты правда со мной не поедешь? – спросил её Уле-Александр напоследок. – Взяли бы Кроху с собой, она места почти не занимает.

– Нет, мы останемся дома, чтобы папе было повеселее. Хорошо тебе съездить, сынок. Будь умницей.

– Хорошо, – кивнул Уле-Александр. – Вам пора выходить, автобус сейчас поедет.

Едва они вышли, Уле-Александр принялся махать, но автобус с места не тронулся, стоял тихо и неподвижно. Махать, когда автобус не едет, было как-то странно. К тому же Уле-Александр досадовал, что так быстро спровадил маму, а теперь уж не поговоришь с ней, через стекло ничего не слышно.

Тут пришёл шофёр, завёл мотор, и автобус наконец медленно тронулся в путь, а Уле-Александр принялся махать маме и Крохе. Он махал, пока мог их видеть.

Интересно – два часа это сколько? Иногда они пролетают быстро, а иногда тянутся и тянутся. Но в автобусе, конечно, промелькнут незаметно. Только бы водитель не забыл ему сказать, когда пора будет выходить.

До чего же странно одному ехать куда-то далеко. Нет, он много ездил и один раз даже летал с бабушкой на самолёте, но тогда он ехал с кем-то, а это совсем другое дело.

Пришёл кондуктор, попросил денег за билет.

– Ты куда едешь?

– Я еду один и очень далеко, до поворота на Оппедал, вот куда.

Уле-Александр полез за деньгами, но кошелька не было. Уле-Александр точно положил его в задний карман, а теперь не мог найти, сколько не обшаривал и не выворачивал злосчастный карман. Посмотрел в другом – тоже ничего.

– Не волнуйся, сейчас найдёшь, – сказал кондуктор. – Я пока остальных пассажиров обойду, а к тебе потом вернусь.

Уле-Александр стал красный, как свёкла. Что же делать? Без билета ехать, наверно, нельзя. Сейчас его высадят посреди дороги... Да ещё решат, что он хотел сжульничать и проехать зайцем. Уле-Александр нагнулся посмотреть на полу, вдруг кошелек выпал, но тут что-то звякнуло, и он вспомнил, что вообще не брал с собой кошелька, а повесил на шею мешочек с деньгами – мама сказала, что так будет надёжнее и он точно деньги не потеряет. Это она неудачно придумала, ворчал про себя Уле-Александр, вытягивая мешочек из-под рубашки. Тут как раз и кондуктор вернулся.

– Нашёл, – сказал ему Уле-Александр.

– Отлично, – кивнул кондуктор. – С тебя одна крона и пятьдесят эре.

Но пойди достань хоть что-нибудь из этого глупого мешочка. Пришлось кондуктору помочь Уле-Александру. Наконец он расплатился и получил билет.

Да, но возились они так долго, что наверняка два часа давно прошли, а водитель забыл про его остановку. Уле-Александр

задрал голову и посмотрел на полку. Как же он снимет оттуда рюкзак и чемодан?

Надо будет достать их на следующей остановке, только бы она оказалась ещё не поворотом на Оппедал.

Как только автобус затормозил, Уле-Александр залез на сиденье и потянул на себя рюкзак. Он оказался ужасно тяжёлый и упал Уле-Александрю на голову, сбив его с ног. Несколько пассажиров бросились к нему и помогли подняться. Уле-Александр крикнул шоферу:

– Это моя остановка?

– Нет, мы только пятнадцать минут едем, тебе гораздо дальше, – ответил шофёр.

Теперь Уле-Александр сидел в обнимку с рюкзаком: так гораздо надёжнее, раз – и вышел. А ехать он уже устал. Во-первых, очень долго. Во-вторых, тяжёлый рюкзак отдавил все колени. В-третьих, в автобусе скверно пахнет, душно и мутит. Хоть бы окно открыли, что ли.

Он вспомнил мамин совет: если в автобусе чувствуешь себя плохо, то помогает петь. Но как? Распевать во всё горло? Тогда все станут на него тарашиться. А если тихо петь в рюкзак? Он как раз под рукой.

Уле-Александр уткнулся носом в рюкзак и тихо спел все песни, какие помнил. А потом стал мурлыкать мелодии, сочиняя их на ходу.

– Да ты настоящий певец, – вдруг тихо сказал ему кто-то на ухо. Это кондуктор проходил мимо.

– А слышно? – спросил Уле-Александр.

– У меня очень чуткий слух, – ответил кондуктор.

– Я устал ехать, – пожаловался Уле-Александр. – Но от песен гораздо лучше, они правда помогают.

– Хочешь, я положу на полку твой рюкзак? – предложил кондуктор. – Тяжело его на коленках всё время держать.

– Нет, не стоит. Я потом замучаюсь его снимать.

– Не волнуйся, мы тебе поможем.

Кондуктор ловко закинул рюкзак на полку, и Уле-Александр вздохнул с облегчением. Хорошо отделаться от тяжёлой ноши. Теперь и в окно можно посмотреть.

И кондуктор, и шофёр обещали сказать ему, когда будет поворот на Оппедал. Наверно, не забудут? А в крайнем случае он поспит ночь в этом автобусе, места вон сколько.

– Коровы! – закричал он, а сам подумал: «Не быки ли?» Очень приятно смотреть на грозных быков через стекло автобуса, когда они точно до тебя не доберутся.

Да, но едет он, похоже, уже целый день. Какие там два часа – они, наверно, имели в виду два дня!

Вдруг шофёр помахал ему рукой.

– На следующей остановке тебе выходить! – крикнул он.

– Ой! – сказал Уле-Александр и вскочил с места, но тут же плюхнулся обратно, потому что автобус нещадно трясло на ухабах. Подошёл кондуктор и снял рюкзак и чемодан, плащ Уле-Александр захватил сам.

– Поворот на Оппедал! – Объявил водитель.

– Спасибо за поездку, – поблагодарил Уле-Александр.

Он вылез из автобуса, рюкзак и чемодан уже стояли рядом. Двери закрылись, автобус покатило дальше.

Уле-Александр огляделся – ни души. Ни впереди на дороге, ни сзади. Никого! Всё-таки поездка кончилась плохо – его высадили не там, где надо. Завезли слишком далеко, ясное дело, и вот пожалуйста.

Вдруг в кустах на той стороне что-то заворочалось. Час от часу не легче – там дикий зверь, что ли?

Да, но он совсем синий. Звери ведь синими не бывают? Мелькнула синяя рубашка, потом синие штаны детского размера, и на дорогу вылез Монс.

– Я приехал, – сказал Уле-Александр.

– Ага, – кивнул Монс. – Вдруг бы ты не приехал, а я бы встречал на остановке. Я бы расстроился, поэтому решил спрятаться.

– А я решил, что не туда приехал.

– Туда. Пошли. – И Монс показал на тропинку, уходившую в лес на склоне.

– Иду, – откликнулся Уле-Александр. Он был очень рад. Теперь он больше не один на свете, рядом Монс. Их ждут приключения и открытия, это уж наверняка!

Они зашагали по тропинке, но идти далеко, так что до маленького хутора Монса они доберутся не раньше следующей главы, в которой я расскажу о житье-бытье Уле-Александра в деревне.

КОРОВЫ

Монс и Уле-Александр всё шли и шли по тропинке через лес. Монс помалкивал, но Уле-Александр и так понимал, что его приезд очень обрадовал друга.

– Долго ещё? – спросил Уле-Александр.

– Не-а, – ответил Монс. Он был занят – поддавал ногой сосновые шишки на дорожке, стараясь ни одной не пропустить, поэтому не мог разговаривать.

Но вот они вышли из леса, и тут же где-то неподалёку зазвенели колокольчики у коров. «Интересно, а у Монса тоже есть коровы? Лучше бы обойтись без них», – подумал Уле-Александр. С этой живностью Уле-Александр никогда дела не имел, но сказать об этом прямо стеснялся и зашёл издалека.

– У вас большой хутор?

– Да не, – ответил Монс, – у нас маленький. Но у нас есть два поля и луг, там сейчас покос.

– У-у, – кивнул Уле-Александр.

– Нам вон туда, – сказал Монс и показал пальцем.

Впереди зеленел холм, за ним ещё один, и ещё, и ещё, но вдали на вершине Уле-Александр увидел маленький домик красного

цвета и старый кособокий сарай на другой стороне двора, посреди которого росло большое раскидистое дерево.

Чуть поодаль мирно паслись коровы.

– А чьи это там коровы? – спросил Уле-Александр.

– Так наши они, – ответил Монс очень гордо. – У нас четыре коровы и бык. Он двухлетка, а на вид меньше пяти не дашь, ещё хряк и овцы и мерин.

– Мерин?

– Лошадь, короче.

– У тебя лошадь есть?

Уле-Александр не поверил своим ушам – ничего себе, у Монса своя живая лошадь! «К коровам я могу хоть совсем не подходить, – подумал Уле-Александр, но конь – совсем другое дело. На него каждый день смотреть, и то не надоест».

– Я по вечерам привожу коров домой, ты тоже можешь со мной сходить. А по утрам мы их выпускаем и гоним на пастбище, – между тем рассказывал Монс.

Вот оно что. Всё как Уле-Александр и боялся. Прощай, радость, теперь остаётся только со страхом ждать вечера. Потому что вечером придётся идти к коровам. И так каждый вечер.

– Они очень сильно мычат? – спросил Уле-Александр. – Я в прошлом году видел коров, они мычали всё время.

– Когда домой хотят, шумят, конечно, – объяснил Монс.

– У-у, – пробормотал Уле-Александр. И дальше он шёл молча. А Монс пинал шишку перед собой, догонял и снова пинал.

Когда они наконец дошли до дома, мама Монса встретила их в дверях.

– Добро пожаловать, Уле-Александр, – сказала она приветливо. – Какой ты молодец – сам приехал, один. Умничка. Надеюсь, тебе у нас будет хорошо. Для нас здесь настоящий дом. Мы ведь раньше тут жили, а в городе ещё не совсем привыкли.

– Ага, тут прямо и жили, – добавил Монс.

– А ты небось рад-радёшенек, – сказала ему мама. – Знаешь, Уле-Александр, как мы письмо отправили, он только о тебе и говорил. Ты вовремя приехал, ещё б немного, Монс нам дырку в голове бы сделал.

– Монс так много обо мне говорил? – удивился Уле-Александр. Наконец-то ему стало понятно, почему Монс не болтал с ним дорогой. Оказывается, он просто выговорился заранее.

Мама Монса взяла чемодан Уле-Александра и сказала:

– Папа с дядей уже пообедали, но мы с Монсом ждали тебя. Давайте садиться за стол.

– Вы так рано обедаете? – спросил Уле-Александр.

– Да. Мы ведь очень рано встаём и обедаем тоже рано, обычно в полдень.

Мама положила ему жаркое с мясом, и хоть Уле-Александр переживал из-за коров, но умял огромную порцию. А потом мама сказала:

– А теперь делайте что хотите, пока вам не пора будет идти за коровами.

Монс с Уле-Александром вышли во двор...

– А конь где? – спросил Уле-Александр.

– В конюшне, – ответил Монс, – отдыхает после обеда, это он у папы с дядей научился. Пошли посмотрим на него.

Уле-Александр сжался, напрягся и шагнул в конюшню. Там кто-то шумно дышал, фыркал и бил копытом. Конь! Он стоял в загоне и, казалось, о чём-то думал.

Вблизи он был большой. И совершенно чёрный. Монс подошёл к коню и похлопал его по морде и по холке и потрепал за гриву. Какой храбрец этот Монс, оказывается! Сам Уле-Александр стоял едва дыша и боялся слово сказать.

– Теперь пойдём хряка посмотрим, – позвал Монс.

В свинарнике воняло чем-то странным, Уле-Александр поморщился и фыркнул.

– Привыкнешь, – спокойно сказал Монс и опять полез за оградой, внутрь загона.

– Ты поосторожнее, – шепнул Уле-Александр. Ему показалось, что свинья смотрит на вторгшегося к ней Монса сурово и кровожадно.

– Эта хрюшка добрая, домашняя, – весело ответил Монс.

Уле-Александр смотрел на друга и как будто не узнавал. В городе заводилой всегда был Уле-Александр, он всё затевал и придумывал, а Монса считали немножко тюфяком. Но тут в деревне стало наоборот: Монс всё знал и умел, а Уле-Александр всего побаивался. Тут Уле-Александр снова вспомнил коров и погрустнел. Неужели нельзя не ходить с Монсом, а просто посмотреть в окно, как тот будет гнать стадо? Но мама Монса твёрдо велела Уле-Александру тоже гнать коров. Она так и сказала: «А теперь делайте что хотите, пока вам не пора будет идти за коровами». Получается, это работа, а её нельзя не делать, тем более Уле-Александр должен отрабатывать свою еду.

– Давай-ка найдём тебе кнут коров погонять. Смотри, у меня какой! – сказал Монс и щёлкнул кнутом.

– Вы бьёте коров? – спросил Уле-Александр испуганно.

– Нет, но надо же растолковать им, куда идти, особенно если бык заупрямится.

Да, там же ещё бык имеется, вспомнил Уле-Александр. О нём он совсем забыл, а бык страшнее всех коров, вместе взятых.

Тут на двор вышли двое мужчин в рабочих комбинезонах. Зевая и сонно щурясь, они стали набивать трубки табаком.

- Идите за стол! – позвала их мама.
- Мы опять есть будем? – удивлённо спросил Уле-Александр.
- Мы нет, – объяснил Монс, – но папе с дядей со сна полагается кофе.

Уле-Александр вежливо поздоровался и с дядей Монса, и с папой. Вид у него тут, в деревне, был куда более довольный и счастливый, чем обычно в городе. А дядя оказался из той милой породы людей, которые не лезут с расспросами, улыбаются и всем довольны.

Но вот что удивительно – Уле-Александр опять проголодался. Непонятно, как ему это удалось. Он тоже сел за стол, ел и ел, и всё было очень вкусным, особенно мягкий сыр с тмином.

Но раз он ест за десятерых, то и работать придётся так же. Теперь уж не скажешь, мне, мол, не хочется идти загонять коров.

По счастью, до похода за коровами ещё было время. Папа и дядя Монса, выпив кофе, пошли запрягать Воронка, потому что

часть сена уже высохла и лучше было сразу привезти его и убрать под крышу.

Пока его запрягали, Воронок стоял смиренно. Потом к нему пристегнули сзади телегу для сена и разрешили Монсу с Уле-Александром прокатиться на ней до луга.

Всю дорогу их то трясло, то подбрасывало, но они только смеялись, потому что папа Монса вёл коня под уздцы спокойно и уверенно, и даже Уле-Александр ни капли не боялся.

Мальчишки помогали накидывать сено на телегу – получился огромный воз, они с хохотом и воплями взгромоздились на него сверху, но Воронок и ухом и не повёл, стронул воз с места и повёз, хотя у него за спиной царило буйное веселье.

И тут на горе разом замычали коровы. Они не растягивали своё «му» нежно и сладко, нет, они голосили и ругались, вот что они делали.

– Пора бежать за коровами, – озабоченно затараторил Монс, едва их с Уле-Александром сняли с воза у двери сарая.

– Ну да, – прошелестел в ответ Уле-Александр. Он побледнел как полотно и едва выговаривал слова. Что же делать? Одно ясно – идти к коровам он не может. Не сказать ли об этом Монсу?

А тот знай торопится:

– Уле-Александр, подожди меня здесь. Я сбегаю принесу наши кнуты.

Уле-Александр послушно застыл на месте. Потом подумал-подумал и поплёлся в дом. На кухне мама Монса резала хлеб.

– Уже завтрак готовите? – с удивлением спросил Уле-Александр.

– Нет, это ужин, – ласково объяснила мама Монса. – Мы целый день работаем на свежем воздухе, всё время есть хочется.

– Понятно, – ответил Уле-Александр. – Мама велела мне не бездельничать, отрабатывать свою еду, помогать вам. Но я лучше не буду ничего есть, потому что я не гожусь пасти коров, хотя я хорошо вытираю тарелки.

– Да ты что-то совсем расстроился, – сказала мама Монса. – Видно, слишком много всего на тебя сегодня навалилось. Ты устал просто.

– Дело не в этом, а в коровах. Их надо идти загонять, а они мычат очень страшно.

– Ох, – всплеснула руками мама. – Как же я сама не подумала, что ты коров вблизи раньше не видел. И вон чего напридумывал себе. Но хорошо, что ты мне сказал. Давай-ка я схожу с вами, мы с тобой всё время будем рядом идти.

Она взяла Уле-Александра за руку, и они вместе вышли на двор, где уже ждал Монс с кнутами.

– Я схожу сегодня с вами, – сказала мама Монсу. – Понимаешь, Уле-Александр ещё не успел познакомиться с нашими коровами. А кого не знаешь, тот кажется странным.

– Об этом я и не подумал, – кивнул Монс.

И они втроём пошли к коровам. Те мычали без остановки на четыре голоса, тянули шеи и настойчиво объясняли, что им давно пора домой. Чуть поодаль от них недовольно пыхтел, фырчал и рыл копытом землю крупный зверь с рогами. Это был бык.

Мама Монса открыла загородку, и коровы тотчас потянулись на выход, а следом бык. Монс носился вокруг как пастушья собака, покрикивал и подгонял. Когда бык вдруг остановился и уставился на них, Монс щёлкнул кнутом и приказал:

– Шагай, Теодор, не тормози. – И бык зашагал дальше, а за ним мама с Уле-Александром.

Сначала Уле-Александр прятался за её спиной, но, увидев, как легко Монс управляет с быком и коровами, Уле-Александр тоже расхрабрился и пошёл рядом с мамой Монса. Коровы шли теперь метрах в пятидесяти впереди, поэтому он без опаски тоже помахал кнутом и сказал: «Идите давайте».

А Монс разошёлся не на шутку. Ещё бы, наконец-то ему выпал случай показать свою удаль. Он щёлкал кнутом налево и направо, и коровы, обычно чинно и спокойно возвращавшиеся домой в стойло,

совершенно растерялись из-за его назойливых понуканий. Но раз уж сегодня оказался такой беспокойный день, коровы тоже решили повеселиться – задрав хвосты, они бросились врассыпную, пожевать мягкой сочной травки. Зато бык заупрямился, встал и ни с места. Что дойка из-за этого задержится, его ничуть не волновало, а раздухарился он не на шутку.

Увидев, что коровы разбрелись и не слушаются Монса, мама побежала к нему на помощь. Она хлопнула быка по задку, он лениво повернул голову, но, увидев хозяйку, нехотя стронулся с места и пошёл к дому, опустив морду и мыча что-то под нос.

Тем временем Монс выгнал на дорогу трёх коров, но четвёртая куда-то подевалась. Монс развернулся кругом и тут наконец увидел, что вздорная корова решила вернуться в загон, где паслась весь день.

– Гони её на дорогу, Уле-Александр! – крикнул Монс. – На мне эти три, а мама ведёт быка.

Уле-Александр сжался. Корова шла прямёхонько на него, а он был тут совсем один.

И зачем он только уехал из города? Сидел бы себе сейчас на лестнице перед подъездом, было бы хорошо. Корова приближалась. Уле-Александр стоял в оцепенении и смотрел на неё, но вдруг очнулся, рванул с места и спрятался за деревом. Лучше всего было бы залезть на него, но ветки начинались очень высоко, а ствол толстый и гладкий, не уцепишься.

Корова остановилась и стала искать его глазами.

Где-то тут только что стоял мальчишка, думала она, наверно.

Перед ней было только дерево, а за ним сам по себе вертелся кнут.

Такое она видела первый раз в жизни и решила пойти рассмотреть, что там. Но, чем ближе она подходила, тем быстрее вертелся кнут.

Уле-Александр колотил им по воздуху вокруг себя, а корова неутомимо приближалась к его дереву. Он слышал, как она сопит и жуёт совсем рядом с ним.

От страха он закричал что было мочи. И даже выскочил из-за дерева с кнутом наперевес и ещё раз громко крикнул прямо в морду корове. Корова ничего страшнее в жизни не видела и ужасно испугалась. Она развернулась на месте и галопом понеслась к дороге.

Уле-Александр смотрел ей вслед. Вот это да! Корова его испугалась – его испугалась корова! От восторга он даже засмеялся и припустил вприпрыжку за ней. Теперь он не жался и не мялся, а бодро подгонял корову: «Давай, милочка, прибавь ходу! Нас все ждут».

Остальные коровы уже дошли почти до коровника, но корова Уле-Александра быстро нагнала их, пронеслась мимо на всех парах и первая забежала в раскрытую дверь.

Монс стоял снаружи коровника и ждал Уле-Александра.

– Неплохо ты её разогнал, – сказал он.

– Что есть, то есть, – ответил Уле-Александр. – А как её, кстати, зовут?

– Мара.

– Она мне понравилась, – сказал Уле-Александр.

– Мама сейчас доить их будет, пойдём посмотрим.

Мама сидела в коровнике на низкой табуреточке рядом с коровой и сдаивала молоко в большое ведро. Потом она взяла кружку и надоила молока прямо в неё.

– Попробуй вкусного молочка, – сказала она, протягивая кружку Уле-Александрю. Он выпил залпом, потому что очень он запыхался, бегая с коровой наперегонки.

– Спасибо, очень вкусно, – сказал он. – Маре тоже воды нальют? Она наверняка хочет пить не меньше моего.

– Уле-Александр, ты уже стал совсем деревенским мальчиком, – улыбнулась в ответ мама.

Уле-Александра обрадовали её слова.

За ужином Уле-Александр съел никак не меньше десяти кусков хлеба, потому что он нагулял аппетит и ничуть не стеснялся есть, раз он так хорошо сегодня потрудился.

УЛЕ-АЛЕКСАНДР И КУКУШКИНО ДЕРЕВО

Уле-Александр гостил у Монса уже много-много дней. Ему казалось, он тут всю жизнь прожил, таким всё стало знакомым. Утром они первым делом бежали на речку умываться. С собой у них было мыло, полотенца, мочалка, и умываться было весело, потому что можно брызгаться сколько хочешь.

Потом они шли домой одеваться. В первые дни Уле-Александр очень мучился с ботинками. Он не умел завязывать шнурки бантиком и приспособился затягивать много-много крепких узлов. Шнурки не развязывались весь день, но и вечером, когда ботинки пора было снимать, они тоже не развязывались. Однажды Уле-Александр с Монсом укладывались спать. У Монса были здоровенные башмаки и к тому же вообще без шнурков, он их просто скидывал с ноги, как тапочки, и всё.

А вот ботинки Уле-Александра сидели в обlipку, и, сколько он ногой ни тряс и ни брыкался, они не падали.

– Монс, ты узлы хорошо развязываешь? – спросил Уле-Александр.

– Нет, это я не умею, – признался Монс, – но могу попробовать.

Он довольно долго возился, но только затянул узлы ещё туже. Ботинки по-прежнему сидели как приклеенные.

– Пожалуй, я в ботинках лягу, – сказал Уле-Александр. – А чтобы простыня не испачкалась, я газетку подложу.

– Нет, я тебе не советую.

– А тогда вообще ложиться не буду, – решил Уле-Александр. – Пойду сено косить или пахать, короче, найду чем заняться.

– Слушай, давай я лучше маму спрошу, – предложил Монс. Он подошёл к двери и крикнул: – Мама, зайди к нам, пожалуйста. Иначе Уле-Александр всю ночь не будет спать.

– Что ты такое говоришь, Монс, – сразу откликнулась мама. – А, понятно, очень много тугих узлов.

– Я потому что не умею на бантик завязывать, – объяснил Уле-Александр.

– Этому мы сейчас тебя научим, – решительно сказала мама Монса.

– И я не умею банты вязать, – сказал Монс. – Но это не важно, всё равно у меня ботинки безшнурые.

Повозившись, мама распутала и развязала все узлы, а потом дала один ботинок Уле-Александрю, а другой – Монсу.

– Садитесь поудобнее, – сказала она, – сейчас научимся завязывать шнурки бантиком. Это всегда в жизни пригодится.

Мама показала, как завязывать, и Монс с Уле-Александром, высунув языки, взялись за дело.

– Когда вы по десять раз завяжете и развяжете узел, я расскажу вам сказку. Так что поторапливайтесь, – сказала мама.

– Хорошо, что я тоже учусь, а то в городе у меня ботинки на шнурках, – между делом сказал Монс.

– Смотрите, а я научился, – похвастал Уле-Александр. – Легкотня.

– Легкотища, – согласился Монс.

Они послушали сказку и уснули, а утром Уле-Александр легко и красиво завязал шнурки на обоих ботинках. И ребята тут же

побежали в коровник. Мама как раз подоила коров, и они нетерпеливо ждали, когда их погонят на луг. Они мычали, прями ушами и не могли дождаться, когда наконец их выведут щипать мягкую сочную травку.

Мара, которую Уле-Александр так напугал в день приезда, стала теперь «его» коровой – и он сам выводил её из стойла и следил, чтобы она шла куда надо.

На лугу, загнав коров в ограду, чтобы они паслись там весь день, мальчики закрывали за ними калитку, и начинались самые любимые Уле-Александром минуты их пастушеской работы. Они с Монсом залезали на ограду и сидели, болтая ногами. Со своей надёжной безопасной высоты они смотрели, как бык копытит землю и фыркает, по своему обыкновению, а коровы отмахиваются хвостом от мух и щиплют траву, стараясь набить полный рот.

Но расслаживаться долго мальчишки не могли – дел полным полно. Сначала надо пригнать Воронка. Он всю ночь пасся на воле. Иногда папа или дядя Монса ходили за конём вместе с мальчишками, и тогда им по очереди разрешалось прокатиться на нём.

В городе Уле-Александр частенько говорил, что мечтает промчаться на коне, чтоб только ветер свистел в ушах, но тут, сев на коня первый раз, Уле-Александр очень удивился. О галопе и речи не было. Уле-Александр от всей души радовался, что Воронка идёт медленно и степенно, но всё равно Уле-Александра так качало и шатало, что он отчаянно вцепился в гриву Воронка, чтобы не свалиться. И всё же ехать верхом на лошади оказалось в тысячу раз прекраснее, чем Уле-Александр предполагал...

И скучать у них времени не было. Столько дел надо было переделать за день, что ребята едва успевали поесть. Они каждый день ходили с папой и дядей на поле и работали уж точно не меньше взрослых.

Но однажды, когда они привели Воронка, папа Монса сказал:

– Сегодня, молодые люди, вы с нами в поле не идёте, потому что у вас важное дело. Видите холм за домом?

– Вон тот высокий? – уточнил Уле-Александр.

– Ну видим, – сказал Монс.

– Так вот – ваше дело сходить в лес, набрать сухих веток, сколько можете утащить, и отнести их на холм. Потом вернуться в лес и набрать ещё веток. Это вам работа до обеда, а после обеда вам надо поспать, потому что вечером вы ляжете очень поздно.

Уле-Александр смотрел на папу Монса в большом изумлении и силился вспомнить, что сегодня за день такой.

– Точно не Семнадцатое мая¹, его уже праздновали.

– И не Иван Купала, он тоже прошёл, – задумчиво добавил Монс.

– Вот именно, – сказал папа. – Но сегодня суббота, и у нас будет летний праздник. Так что не филоньте, нам нужен большой красивый костёр.

Монс и Уле-Александр сунули руки в карманы и широко шагая пошли в сторону холма. И тут же заметили на дороге отличные сухие ветки.

– Берём, – сказал Уле-Александр.

– Угу, – кивнул Монс.

Дело пошло на ура. Они брали и большие ветки, и маленькие. Оттащив охапку на холм, снова бежали в лес. Правда, с каждым разом приходилось идти дальше.

Уле-Александр часто гулял в лесу с мамой и папой, но ходить по лесу только вдвоём с Монсом казалось странно и непривычно.

Солнце зашло за тучу, в лесу было сумрачно и скрипели деревья... Вдруг прямо рядом с ними что-то с шумом сорвалось с ветки. Это взлетела большая птица.

– Уф, ну и напугался я, – прошептал Уле-Александр.

– Я сам струхнул, – признался Монс.

– Хорошо хоть улетела.

¹ 17 мая – главный национальный праздник Норвегии, День Конституции.

– Ага. И обратно точно не прилетит. Скажи?

– Конечно, не прилетит, ещё чего.

Но после этой истории в лесу стало совсем неудобно. Им то и дело казалось, что они слышат что-то странное. Им хотелось поскорее уйти. Но они боялись пошевелиться.

Одно утешало Уле-Александра – что Монс тоже напугался. Потому что тут, за городом, Монс вообще-то не боялся ничего.

– Фу ты, – протянул он.

– Угу.

– Ты ещё не видел, как я струхнул, когда первый раз в город попал, – сказал Монс. – Чуть не умер со страху. Я всего боялся: машин, трамваев, людей полно. Вот уж натерпелся я страху.

– А мы и не поняли, что тебе страшно. Бедняга.

– Зато теперь меня в городе почти ничего не пугает, – сказал Монс.

– Придумал, – сказал Уле-Александр. – Чур, каждый садится под дерево и тихо слушает, нет ли здесь чего загадочного.

– Хорошо, – ответил Монс и на четвереньках отполз к ближайшему маленькому деревцу.

А Уле-Александр нашёл себе огромную ель. Он подумал, что, если начнётся что-нибудь непонятное, он спрячется за неё.

Выглянуло солнце. Стало теплее и светлее. Может, нет в лесу никаких неприятностей?

И как раз тут Уле-Александр услышал прямо над головой странный звук. Как будто бы птичья трель, только у птицы горло болит, поэтому поёт она хрипло и того гляди вообще голос потеряет.

– Ой, – восторженно воскликнул Монс. – Над тобой кукушка. Давай скорее желание загадывай.

«Вот бы здесь мама с папой оказались, – мечтательно подумал Уле-Александр, – тогда б я уж точно ничего не боялся».

Птица вспорхнула с ветки и улетела.

– Никакая это не кукушка. Они говорят «ку-ку».

– Нет, в конце лета у них уже сил куковать нет. Бежим домой, расскажем, что ты сидел под кукушкиным деревом. Такого ни с кем ещё, кажется, не случилось.

В дом они ввалились усталые и голодные.

За обедом Монс рассказал о кукушке, а папа Монса спросил Уле-Александра:

– Ты успел загадать желание?

– Успел. Я сказал, что хочу, чтобы папа с мамой приехали.

– Хорошее желание, – кивнул папа Монса, и вдруг у него как-то изменилось лицо, он закашлялся и даже закрылся платком.

Мама Монса вскочила, бросилась к плите и стала скрести почти пустую кастрюлю, один дядя вёл себя как обычно.

– Ребята, а теперь на боковую, всем спать, – сказал он.

А они и рады были полежать, отдохнуть, очень уж они уработались. И неожиданно оба заснули посреди бела дня.

Когда их разбудили, уже наступил вечер. Со сна обоих шатало. Наконец они поняли, почему у папы с дядей такой потерянный вид, когда они просыпаются после дневного отдыха.

– Ужин скоро? – спросил Монс.

– Нет, – ответила мама, – сегодня мы будем ужинать у костра, на холме.

Она сварила огромный кофейник кофе, а на столе уже стояли две большие корзинки с едой, чашками-тарелками и бутылками с водой и лимонадом.

– У нас будет пикник, – догадался Уле-Александр.

– Вы можете пойти вперед, – разрешила мама.

Оказалось, что к холму тянутся люди со всех сторон, со всех окрестных хуторов. И все несли с собой кофейники и корзинки с едой. На вершине холма все расстлали одеяла и рассаживались кругом у кучи веток, собранных Монсом и Уле-Александром. Кто-то сложил ветки красиво, одна к одной, а вскоре пришёл папа Монса и запалил костёр.

Он полыхнул, и пламя взвилось высоко вверх. «Ой, – опасливо подумал Уле-Александр, – как бы беды не вышло, такой костёр высоченный».

– А пожарная станция тут есть?! – закричал он.

– Не волнуйся, – ответил папа Монса, – тут открытое пространство, за костром мы следим, и у нас есть канистры с водой.

– Первый раз такой большой костёр вижу, – сказал Уле-Александр.

– Его даже с дороги отлично видно, – ответил папа Монса, и Уле-Александр показалось, что лицо у него опять стало какое-то хитрое. Но он тут же забыл об этом, увлечённый костром. Тот трещал и рассыпал искры, кто-то положил в него толстые брёвна, чтобы он горел долго.

Потом они подкрепились.

– Как вкусно! – сказал Уле-Александр. – Еда пахнет дымом и свежестью одновременно.

Затем пришло время игр, и Уле-Александр снова удивился. Тут играли все – и дети и взрослые. Начали с прятков. И большие круглые тётушки бежали со всех ног, чтобы успеть спрятаться.

Уле-Александр веселился как никогда. Потом папа Монса подложил ещё дров в костёр и сказал:

– Вставайте в пары. Будем играть в «Последний, выходи!».

Но тут они услышали очень странный звук. Он доносился с дороги. Что-то бряцало и клацало.

Уле-Александр сразу этот звук узнал. И бегом припустил к дороге. За ним помчался Монс.

Уле-Александр бежал не останавливаясь. Он был уже красный как рак, сердце колотилось в горле, ноги мчались вперёд, и до самой дороги Уле-Александр ни разу не притормозил.

На дороге стоял старый автомобиль. Из него вышли пудель, маленькая девочка, женщина и мужчина. Уле-Александр так запыхался, что ни слова не мог сказать.

– Кто-то развёл на холме красивый костёр? – спросила мама.

– Угу, – просипел Уле-Александр.

– Идёмте быстрее, – заторопил всех Монс.

– Кроху можно не укладывать на ночь, – с присвистом пробормотал Уле-Александр. – Там детей очень много.

– Да, – кивнул папа. – Мы будем гулять долго. А потом мама ляжет спать в твоей кровати, Кроха – у Монса, а мы трое, раз мы мужчины, устроимся на сеновале. Здорово, правда?

– Сегодня вообще всё очень здорово, – сказал счастливый Уле-Александр.

Потом они с Монсом помчались обратно, рассказать, кто приехал. А мама с папой Монса почти не удивились, видно, подозревали, что под кукушкиным деревом все желания исполняются.

Семейство Уле-Александра осталось ещё на обед в воскресенье, но потом папа заторопился домой, потому что в понедельник ему надо было на работу. Монс подошёл к родителям Уле-Александра и спросил:

– Можно Уле-Александр ещё останется?

– Даже не знаю, – ответила мама Уле-Александра и посмотрела на маму Монса.

– Они, конечно, хотят, чтобы я ещё остался, – сказал Уле-Александр. – Я ведь отрабатываю еду.

– Раз так, тогда можешь остаться, – разрешила мама.

Папе долго не удавалось завести мотор. Пришлось Уле-Александру с Монсом подтолкнуть машину, она покатилась-покатилась – и мотор завёлся. На ходу машина бряцала, клацала и ужасно тарахтела, так что слышно её было гораздо дольше, чем видно.

Но едва она затихла вдали, как на лугу громко замычали коровы.

– Домой хотят, – сказал Монс. – Уле-Александр, бежим загонять их домой!

– Бежим!

Уле-Александр умчался вперёд, а Монс степенно шёл следом. Он очень радовался, что друг не уехал и ещё побудет с ним, и хотел насладиться своей радостью не торопясь.

СОКРОВИЩЕ

Уле-Александр гостил у Монса три недели. Так странно было потом вернуться в город! Ходить по улицам Уле-Александру совсем не понравилось.

– Здесь у вас слишком шумно, – пожаловался он маме перед сном.

Но прошло два дня, и он как будто и не уезжал никуда. Сидел на лестнице у подъезда, смотрел на машины, и дни пролетали быстро и незаметно. В выходные они колесили на машине, и не успел Уле-Александр глазом моргнуть, как каникулы кончились, приехал Монс, вернулась Ида, объявился Оливер, и вот уже они все вчетвером отправились снова в школу, во второй класс.

В толпе у школы мелькали ребята помладше с новенькими ранцами.

– Помните, как мы сами такой малышней были? – спросила Ида.

– Это давным-давно было, – ответил Уле-Александр.

– А я помню, – сказал Монс.

– И я, – кивнул Оливер.

Ида махнула мальчишкам рукой – «пока, пока» – и пошла к девочкам из своего класса.

Она вообще вела себя странно, эта Ида. В школе она делала вид, что не знает ни Уле-Александра, ни Монса с Оливером и ходила под ручку с девочками, а после школы вела себя как обычно.

– Давай так: в школе мы как будто с вами не знакомы, а то нас задразнят, «тили-тили-тесто» и всё такое.

– Вот оно что, – понял наконец Уле-Александр, – а я не догадался.

Как-то вечером Уле-Александр зашёл к Иде, но у неё в гостях была подружка, и он решил сразу уйти. А тётя Петра не отпустила:

– Вот ещё выдумал – не ходить к нам в гости только потому, что к Иде зашла подружка. Нет уж, добро пожаловать к нам.

Уле-Александр зашёл, но быстро об этом пожалел. Никакого удовольствия, наоборот. Ида с подружкой в углу играли в кукол, они шушукались, хихикали и секретничали и бросали на Уле-Александра насмешливые взгляды.

– О чём это вы говорите? – спросил Уле-Александр, он уже успел разозлиться.

В ответ они стали только больше хихикать. Уле-Александр так возмутился, что кровь в голову ударила. Уму непостижимо, чтобы Ида так себя с ним вела.

Из кухни пришла тётя Петра. Её, видно, тоже огорчило поведение Иды.

– О чём вы всё время хихикаете? – спросила она.

– Знаешь, сколько у нас секретиков? – ответила Ида. – Мы про них никому не рассказываем. – И голосок тоже такой противный сделала!

– У нас с Оливером и Монсом секретов побольше вашего. Мне пора, пойду к ним скорее.

– Иди, конечно, – сказала тётя Петра. – Но и к нам заглядывай почаще. Я всегда очень рада тебя видеть.

Уле-Александр сразу помчался к Монсу. По дороге ему встретился Оливер.

– Давай со мной! – позвал на бегу Уле-Александр.

По счастью, дверь им открыл сам Монс.

– Можешь выйти прямо сейчас? – спросил Уле-Александр.

– Сейчас не могу, я ем, – промычал Монс, потому что он держал во рту картошку и едва выговаривал слова.

– Вижу, – сказал Уле-Александр. – Быстро доедай и приходи. Нам нужно посекретничать. Только надо найти укромное место. Мы спрячемся под лестницу и будем тебя ждать. Там нас никто не увидит.

– Угу, – промычал Монс, – я быстро.

Но появился он не скоро. Оливер сгорал от любопытства, очень ему хотелось поскорее узнать, о чём речь, но Уле-Александр помалкивал.

Наконец Монс пришёл.

– Видно, ты очень был голодный, что так долго ел, – ворчливо сказал Уле-Александр.

– Ага. А потом я ещё посуду мыл, это же моя работа.

– Нам нужно завести себе секреты. Что предлагаете?

– Что мы спрячемся под лестницей – это секрет?

– Секрет, но ненастоящий, – сказал Уле-Александр.

И тут они услышали, что к дому подъехал грузовик.

– Интересно, что там такое? Вдруг сгодится в секреты? – оживился Уле-Александр.

Грузовик остановился, из него кто-то вышел, поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Мальчишки сидели как мышки, уже почти не дыша.

Открыл им папа Монса.

– Здравствуйте. Вы дрова привезли? – спросил он.

– Да – ответил мужской голос. – Сгружать в подвал?

– Да, спасибо, – сказал папа Монса.

Человек, с которым он говорил, вернулся к грузовику, взял мешок с дровами и потащил по лестнице. Он, видно, был очень тяжёлый, потому что над головами ребят лестница ходила ходуном. Потом из грузовика вылез ещё человек, тоже взвалил на спину мешок с дровами и потащил его в дом. Тем временем первый вернулся из подвала и взял новый мешок.

Всё это время мальчишки тихо сидели под лестницей с таинственным видом. Перетаскав пятнадцать мешков, грузчики сели в машину и уехали.

– Вот бы нам сейчас мальчишки кстати пришлись, – сказал папа Монса его маме. – Как раз для них работёнка.

– Слышали? – прошептал Уле-Александр.

Папа Монса вышел на крыльцо и позвал:

– Монс! Мо-онс!

– Я здесь! – громко крикнул Монс, хотя папа стоял у него над головой.

– Ой! – Папа даже вздрогнул. – А я и не знал, что вы тут прячетесь.

– Тсс, это секрет, – перешёл на шёпот Монс.

– Мне нужны работники уложить дрова в поленницу. Вы не возьмётесь?

– На нас можно положиться, – солидно ответил Уле-Александр. Он решил, что надо разговаривать по-взрослому, раз папа Монса готов считать их работниками.

Вчетвером спустились в подвал. Папа Монса показал им, как складывать дрова в поленницу вдоль стены. Потом он ушёл, но обещал вернуться принять работу.

Как же они старались! Сначала они бегом бежали за новыми полешками, но потом утомились и перешли на шаг.

– Теперь у нас есть настоящий секрет, – сказал Монс. – Что мы работники!

– Повезло тебе, у тебя в доме чего только нет, – завистливо сказал Уле-Александр. – И подвал с закоулками, и чердак. Наверно, и привидения водятся. А у нас в большом доме на одну семью две каморки в цоколе и всё. Это тебе и чердак, и подвал, и ничего интересного.

– У-у, – прогудел Монс.

Одновременно носить дрова и разговаривать было трудновато. А Оливер и того хуже – стоило ему открыть рот, чтобы вставить слово, как он заодно раскрывал руки и дрова сыпались на пол, так что стоять с ним рядом было небезопасно.

– Наверняка мы уже половину разложили, – сказал Уле-Александр. – Давайте быстро всё доделаем и пройдемся по подвалу, всё рассмотрим.

Но как раз теперь раскладывать дрова стало сложнее. Поленница так поднялась, что они с трудом дотягивались до верха. Уле-Александр встал на ящик, а Монс с Оливером подтаскивали ему дрова. Тут на лестнице послышались шаги – это пришла мама Монса.

– Принесла вам компота попить, – сказала она, – вам наверняка хочется.

Это мама отлично придумала, потому что теперь они устроили перекур, как бывает у настоящих работников, и неспешно потягивали компот.

Потом Монс с очень серьезным видом отёр губы тыльной стороной ладони.

– Ничего себе! – сказала мама. – Да вы уже почти всё разложили. Вот хорошо!

– Поднажмём, ребятки, – сказал Уле-Александр. – Пусть удивляются, как быстро мы работаем.

И теперь они снова принялись за дело с тем же задором, что и вначале. Мысль, что работы осталось чуть-чуть, придавала сил.

Положив последнее полено, они долго стояли и любовались. Какие же они молодцы, такую красоту навели!

– Ну всё, – сказал Уле-Александр. – Айда разведывать секреты подвала.

Они открыли первую дверь. Там хранились припасы. И везде-везде стояли банки варенья.

– Похоже, мама твоя мастерица варить варенье, – сказал Уле-Александр.

– Это да, – кивнул Монс.

За следующей дверью оказалась прачечная. Здесь ребята бывали и раньше, но никаких секретов тут не водилось. Но вот дальше начинался коридор. В нём было темно.

– Идём туда. Подумаешь, темнота, – сказал Уле-Александр.

– Давай, – согласился Монс.

– А вон на полу что-то загадочное валяется, – показал Уле-Александр. – И блестит. Может, это золото или камень драгоценный.

Они вынесли блескучую находку на свет. Это оказался крючок, на который бельё вешают, но блестел он как золотой.

– Настоящее тайное сокровище, – прошептал Уле-Александр. – Надо найти место, где мы его спрячем.

– Надо наружу выйти, там спрячем, – предложил Монс. Ему не хотелось снова идти в тёмный коридор.

– Нет, – замотал головой Уле-Александр. – Надёжнее всего тут оставить. Давайте держаться паровозиком и снова пойдём в темноту.

Они шли на ощупь. Первым – Уле-Александр, за ним – Оливер, последним – Монс. Уле-Александру не хотелось идти первым, но он сам затеял экспедицию и ему некуда было деваться.

– Лично я сейчас закрою глаза, – сказал Монс, – тогда хоть не видно, как темно.

– И я закрою, – прошептал, вернее, прошелестел Оливер.

– А я не закрою, я руку вперёд вытяну. Ой, тут стена. Нет, это дверь. Монс, это наверняка тайная комната. Она очень маленькая, я достаю до всех стен рукой. Наверно, это шкаф. Тут мы и спрячем наше сокровище.

Уле-Александр наклонился и положил золотой крючок на пол потайного шкафа. И в эту секунду они услышали шаги на лестнице. Видно, папа Монса шёл принимать работу. Они уж хотели окликнуть его, как услышали ещё один голос. Сюда шла Ида! Видимо, прознала про их секрет.

– Если Ида нас тут застукает, она сразу догадается про сокровище, я вам точно говорю, – зашептал Уле-Александр. – Молчите!

Когда папа Монса и Ида спустились в подвал, там стояла тишина и никого не было.

– Работу сделали и ушли, – сказал папа Монса. – Поищи их на улице.

– Хм, – только и сказала Ида. И они с папой ушли.

Тут Уле-Александр заметил, что стало гораздо темнее. Выбравшись из коридора обратно к поленнице ребята сразу поняли в чём дело. Уходя, папа Монса выключил электричество, и теперь единственным освещением был слабый свет из узкого подвального окна.

– Ты знаешь, где выключатель? – спросил Уле-Александр.

– Знаю, – сказал Монс, – но найти не могу. Он ощупал руками стену и, к счастью, отыскал клавишу.

Со светом стало гораздо лучше.

– Я даже дышать не мог в темноте, – признался Оливер. – Но теперь мне пора домой. Я обещал сварить на ужин картошку, а мама вот-вот вернётся с работы.

– Мне тоже пора домой, – сказал Уле-Александр.

Они поднялись по лестнице. Но дверь не открывалась.

– Ой, папа запер дверь, – сказал Монс.

– Стучи в дверь и зови их, – испуганно велел Уле-Александр.

Монс колотил в дверь изо всех сил и громко звал маму с папой, но они не слышали: мама легла подремать, а папа включил радио.

Но был один человек, который услышал их крики. Ида!

Она слонялась рядом с домом, высматривая мальчишек. Ей было немножко стыдно за то, как они с подружкой себя вели. Уле-Александр даже сбежал от них. Да ещё и тётя Петра серьёзно поговорила с ней на эту тему:

«Очень хорошо, что у тебя появились подружки. Но это совершенно не причина так неприветливо вести себя с Уле-Александром, с которым ты столько лет дружишь. Ты же умница и сама это прекрасно понимаешь».

Ида и правда сама это понимала, поэтому, едва подружка ушла, она сразу побежала искать Уле-Александра. Хотела посмотреть, обижается он ещё или уже нет.

Она стояла рядом с домом Монса, высматривая мальчишек, как вдруг услышала голоса. «Где это кричат? – подумала она. – И стучат вдобавок». Ида прильнула к подвальному окошку. Оно было забрано плотной решёткой, сквозь которую ничего не рассмотришь, зато вблизи голоса звучали чётче. Так и есть – мальчишки в подвале, а папа Монса запер его.

– Помощь идёт! – крикнула Ида и стала звонить в дверь к Монсу.

Папа, услышав её слова, даже изменился в лице. Страшно напуганный он тут же побежал отпирать подвальную дверь – за ней, на верхней ступеньке лестницы сидели все трое – Уле-Александр, Монс и Оливер.

– Мы стучали изо всех сил, – сказал Монс. Теперь, когда всё кончилось хорошо, ему стало так жалко и себя, и двоих друзей, что он чуть не плакал.

– Мне картошку пора варить, – прошептал Оливер.

– Спасибо Иде, – сказал папа Монса, – потому что мы с мамой ничего не слышали. Мальчишки, а вам спасибо за помощь.

Оливер тут же побежал варить картошку, Монс с папой пошли к себе, а Уле-Александр с Идой медленно брели к своему высокому дому.

– А что, подружка твоя ушла? – спросил Уле-Александр.

– Да. Я теперь буду такая, как обычно.

– Даже если она вернётся?

– Да.

– Хорошо. Тогда, может быть, мы когда-нибудь расскажем тебе о нашей сокровище.

– Обещаю никому о нём не рассказывать, – сказала Ида.

– Спасибо, что спасла нас.

– Не за что. До свидания, завтра увидимся.

– Увидимся, – ответил Уле-Александр. – Пока! – добавил он, потому что слышал, что так бросают друзьям на прощание большие мальчики.

– И тебе пока, – сказала Ида. Она была очень довольна, потому что вид у Уле-Александра был ни чуточки не обиженный.

ПЕРЕЕЗДУ СКАЖЕМ «НЕТ!»

Летом папа Уле-Александра перешёл на новую работу. Он больше не сидел в конторе на фабрике, а трудился в другом месте. И мама сказала Уле-Александру, что это замечательно: папе новая работа нравилась гораздо больше, к тому же он получил прибавку в сто крон, «что всегда кстати».

С этим Уле-Александр не мог не согласиться, хотя разницы пока ни почувствовал. Что бы он ни попросил, мама отвечала точно как раньше: «Уле-Александр, ты должен помнить, что всё стоит очень дорого, поэтому не надо клянчить деньги на ненужные покупки».

Да, всё было почти как раньше. Но одно изменилось заметно – теперь папе приходилось гораздо раньше вставать, потому что до новой работы было далеко ехать.

Счастье, что под большим высоким домом стояла папина старенькая машина. Она чихала и кряхтела, бряцала и клацала, но всё-таки каждое утро довозила папу до новой работы далеко за городом, а вечером прикатывала назад.

Однажды, уложив Уле-Александра спать, родители завели беседу.

– Глупо как-то получается, – посетовал папа. – Каждое утро я еду за город, где чистый воздух и яркое солнце, а вы тут маринуетесь. А ведь рядом с моей работой тоже есть жилой район. Интересно, не хочет ли кто-нибудь поменять свою квартиру там на эту нашу? Многие ведь, наоборот, ездят работать в город.

– Я об этом никогда не думала, – честно призналась мама. – Мы всегда здесь жили.

– Да, – согласился папа, – но и тебе и ребятам там было бы хорошо.

– Если только поменяться на квартиру побольше, – ответила мама.

– Можем попробовать, – кивнул папа. – Почему бы нам не дать объявление, что мы хотим поменять квартиру на квартиру в том районе?

– Конечно, – сказала мама. – Но давай не будем говорить об этом Уле-Александрю, пока всё неясно. А то растревожим его, а сами потом никуда не поедем. Думаю, он расстроится, если придётся отсюда уехать.

– Тебе так кажется? Может быть, сначала расстроится, зато потом... Ну хорошо, там будет видно.

Уле-Александр весь этот разговор проспал. И Кроха тоже спала. Один Пуф ещё не ложился, но он путался в трудных словах, вроде «обмен» и «жилплощадь», поэтому не вслушивался и не беспокоился.

Прошло несколько дней. Уле-Александр заметил, что родители какие-то загадочные и ведут себя странно. Однажды рано утром, когда они сели завтракать, он наконец узнал, в чём дело.

Раздался короткий звонок в дверь. Уле-Александр знал, что это почтальон. Уле-Александр взял маленький ключик, побежал к ящику на двери, открыл – точно, письмо.

– Тут письмо! – закричал он.

Обычно, получив письмо, папа между делом открывал его и спокойно пробегал глазами, продолжая разговаривать и есть. Но в этот раз он повёл себя иначе.

Он как раз откусил булку, но по мере чтения письма жевал всё медленнее, а потом совсем перестал, так что булка застыла за щекой как флюс, а папа уткнулся носом в письмо, точно не веря своим глазам.

– Ничего себе, – сказал он наконец. – Мама, на, прочти.

Мама взяла у него письмо, прочитала и тоже сказала:

– Ничего себе.

– Вы думаете, я ни о чём не догадался? А вот ошибаетесь. У вас очень загадочные лица уже несколько дней, – сказал Уле-Александр.

– Правда? – удивился папа. – А я был уверен, что ты ничего не заметишь!

– Я заметил и сразу догадался, – сказал Уле-Александр и вдруг улыбнулся. – Всё понятно. Сейчас осень, потом будет Рождество. Это у вас сюрприз на Рождество.

– Можно сказать и так, – согласился папа. – Возможно, к Рождеству тебе достанется отдельная комната.

– Такой подарок сюда и не затащишь, – ответил Уле-Александр. – А куда же мы её приделаем? Здесь в углу соберём?

– Нет, речь не об этом, – сказал папа. – Мы пытаемся обменять нашу квартиру на другую, поближе к моей работе. Там красиво, как в деревне, кругом леса и поля.

Уле-Александр только глаза вытаращил.

– Значит, мы отсюда уедем? – спросил он наконец. – Значит, я не буду тут больше жить?

– Мы думали об обмене, но не хотели тебе говорить, потому что было непонятно, захочет ли кто-то с нами меняться, – сказала мама. – Но вот получили письмо от семьи, которая готова поменяться. Они живут в Тириллтопене.

– Это в пяти минутах от моей работы, – добавил папа.

– И у них три комнаты и кухня, – продолжала мама. – Можно сделать гостиную и спальню, а ещё одна комната будет в полном твоём распоряжении.

– Я не хочу отдельную комнату, – сказал Уле-Александр. – Мне гораздо больше нравится спать всем вместе.

– Вам с Крохой там будет очень хорошо, – вступил в разговор папа. – Чистый воздух, гуляй где хочешь, машин почти нет.

– И отсюда я уеду? – снова спросил Уле-Александр. Он не мог не спрашивать снова и снова, потому что только теперь до него дошло, что они задумали.

– Не только ты, мы все, – сказала мама.

– Разве там я смогу помахать Монсу в окно? А за Оливером кто будет присматривать без меня? Он хорошо варит картошку, но ему не справиться без моей помощи ни на школьном дворе, ни после уроков. А Ида и тётя Петра? Они ведь не будут жить в новом доме на четвёртом этаже? А наш молочный магазин? А лестница? А дом наш, большой и высокий? Нет, так не годится.

– Послушай, – сказала мама. – Пока рано об этом говорить. Мы же ещё там не были. Они сегодня придут посмотреть нашу квартиру, и не факт, что она им понравится, у нас ведь всего две комнаты.

– Конечно, она им понравится, – буркнул Уле-Александр.

Он надел на спину ранец и поплёлся в школу. Но в голове у него был такой сумбур, что он едва понимал, куда идти. Ноги сами несли его. Хорошо, что они знали дорогу: вниз по лестнице, на ту сторону по переходу вниз под горку... Уле-Александр оглянуться не успел, как оказался на школьном дворе.

Вот что значит привычка к месту. Всё получается само собой.

Ни ребята, ни учительница не могли в тот день понять, что случилось с Уле-Александром. Он все уроки думал о своём и ничего кругом не видел и не слышал.

Из школы они шли вчетвером, с Монсом, Оливером и Идой, и она не отстала от Уле-Александра, пока всё не вывела.

– Кажется, я не буду больше жить в нашем высоком красивом доме, – сказал Уле-Александр. – Мы, наверно, поменяемся квартирами с теми, кто живёт очень далеко отсюда. Но я отказываюсь переезжать. Я буду жить здесь один. У меня ключ есть, и вообще...

– Жуть, – выдохнула Ида.

– Тогда я тоже перееду, – сказал Оливер.

А Монс ничего не сказал, но крепко задумался. Он тихо плёлся рядом с Уле-Александром и внимательно его слушал.

– Сегодня они придут посмотреть, нравится ли им квартира. Тоже мне загадка. Конечно, она всякому понравится.

– Тогда беги домой, – вдруг сказал Монс, – и наговаривай на квартиру, рассказывай, какая она ужасная. Тогда они не захотят меняться.

– Это ты сам придумал, Монс? – спросила Ида. Она была удивлена до глубины души. – Какой ты хитрый! А у меня ничего не придумывается.

– И у меня не придумывается, – вздохнул Оливер.

– Я побежал домой, – быстро сказал Уле-Александр. – Потом выйду и всё расскажу.

Он ввалился в квартиру запыхавшись, язык на плечо.

– Приходили? – спросил с порога.

– Пока нет, – ответила мама, – но я жду их с минуты на минуту. Хорошо, что ты пришёл. Мы с Пуфом ходим в парк, заберём Кроху из прогулочной группы. А ты открой им дверь, если они придут без нас.

У мамы отлегло от сердца при виде, что Уле-Александр не так мрачно настроен, как утром.

– Конечно, – пообещал Уле-Александр. Он сиял точно ясно солнышко. На такое везение он и не рассчитывал.

Мама ушла, а Уле-Александр стал оглядываться. Ну и красоту мама навела! Постелила чистую красивую скатерть, и вообще... Конечно, всем здесь уютно покажется.

Первым делом Уле-Александр снял скатерть и убрал её в ящик, а на столе разложил старую газету. На неё вместо вазы он поставил галошу из прихожей. Вид стал что надо – настоящий смешной беспорядок. Напоследок составил стулья посреди комнаты, точно они не знают, куда прибиться. Хотел ещё насвинячить где-нибудь, да не успел – позвонили в дверь.

На пороге стояли чужие мужчина с женщиной и с ними девочка.

– Здравствуй, здравствуй, – заворковала гостья. – А мама с папой дома? Мы пришли посмотреть квартиру.

– Нет, мамы нет, но она скоро придёт, – ответил Уле-Александр. – Так что давайте я вам сам быстренько всё покажу.

– Спасибо, что готов помочь, – сказала гостья. – Ты живёшь прямо под небесами. Счастье, что в доме лифт есть.

– Конечно. Правда, он не любит трогаться с места, приходится пешком ходить. – Он сказал всю правду, но она показалась Уле-Александру недостаточно пугающей, и он добавил: – Это лифт вообще бешеный. Начинает ездить вверх-вниз без остановки, а ты катайся и жди, когда он остановится.

– Надо же, как нехорошо, – покачала головой дама. – Но сейчас он довёз нас тихо и ловко.

С этими словами она вошла в гостиную. При виде галоши на столе она явно удивилась, но вслух ничего не сказала. Только подошла и посмотрела в окно:

– О! Какой вид потрясающий! Весь город как на ладони.

– Да, наш дом – самый высокий в городе, я считаю.

Уле-Александр забылся и стал расхваливать дом, но быстро спохватился:

– Поэтому, когда дует ветер, дом ходуном ходит. Я себя от этого плохо чувствую.

– Надо же, – сказала дама с сочувствием.

– Вот теперь сама видишь, мама, – сказала девочка. – Этот дом гадкий.

Уле-Александр страшно разозлился. По какому праву эта пигалица ругает его дом? Но вдруг до него дошло, что девочка на его стороне, ей тоже не хочется переезжать.

– Значит, это у вас гостиная. А теперь покажи нам спальню. В ней тихо и можно спать спокойно или всё время шум от машин?

– Что вы, ни минуты покоя, я почти и не сплю из-за этого, – пожаловался Уле-Александр. – То грохочет, то гудит.

– Понятно, – проговорила дама. – Ну всё-таки посмотрим ванную.

– Тут у нас вечно потоп с наводнением, – сказал Уле-Александр. – У нас и спасательный жилет есть, мы его надеваем, чтобы доплыть до крана и воду перекрыть.

Он всё больше был собой доволен. Но каких бы гадостей придумать про кухню с прихожей? У него уже фантазия истощилась.

– Какая кухня уютная! – сказала дама.

– Она очень неудобная, – ответил Уле-Александр.

– А с ней что не так? – спросил муж дамы. До сих пор он молчал, но вид у него был добрый и вопрос он задал с улыбкой.

– Постоянно всё выкипает, – объяснил Уле-Александр. Это он вспомнил, как ухаживал за больной мамой и у него кофе выкипел.

– Ясно.

– Мне кажется, кухня просто заколдована. Кто не возьмётся готовить, обязательно еда убежит из кастрюли на плиту, а потом воняет горелым на всю квартиру.

– Осталась только прихожая, – сказала дама. – С ней-то хоть всё в порядке?

– Ну здесь, – затыкнул Уле-Александр. – Здесь стены падают.

И тут пришла мама:

– Простите, что я задержалась. Проходите, пожалуйста, я вам всё покажу.

– Мальчик нам всё уже показал, – сказала дама. – Хотя мы можем ещё раз обойти квартиру вместе с вами.

– Что здесь творится? – в ужасе спросила мама, увидев галошу на газете и танцующие посреди комнаты стулья.

Тут незнакомый господин опять взглянул на Уле-Александра, погладил его по голове и сказал:

– Ты просто не хочешь, чтобы в твоей любимой квартире жил кто-то другой?

Он так сердечно это сказал, что Уле-Александр в ответ серьёзно кивнул:

– Да. А как вы догадались, вы же меня совсем не знаете?

– Мы не успели толком поговорить с Уле-Александром, он к этой новости ещё не привык, – сказала мама и добавила: – Уле-Александр, беги теперь к ребятам, расскажи, как здорово ты навёл беспорядок!

Уле-Александр тут же убежал. Больше он всё равно ничего сделать не мог. Он пошёл прямо к Монсу, а там под лестницей его уже ждали друзья.

– Мы создали клуб «Переезду – нет!», – сказала Ида. – Садись, ты тоже член клуба.

Уле-Александр рассказывал, все слушали наострив уши.

– Я уверена, они не согласятся на обмен, – сказала Ида.

– Ещё как согласятся, – вздохнул Уле-Александр. – Они поняли, что я нарочно на квартиру наговаривал, чтобы их отпугнуть. Сейчас небось договариваются.

– Что ты! – испуганно отмахнулась Ида.

– Больше ничего я придумать не могу, – вздохнул Уле-Александр.

– Тебе наверняка не придётся уезжать, – подбодрила Ида, – но мы будем приезжать к тебе в гости.

– А ты – к нам, – сказал Монс.

– Лет через сто всё травой порастёт. Так моя мама всегда говорит, если у неё неприятности, – сказал Оливер. – Только это не помогает, по-моему.

– Немножко помогает, – печально сказал Уле-Александр и поплёлся домой.

ШУТКИ В СТОРОНУ

Поднимаясь по лестнице своего высокого дома, Уле-Александр очень волновался. Чужие осматриватели квартиры наверняка уже ушли. Лишь бы им квартира не понравилась! Лишь бы она оказалась им мала!

Он открыл дверь своим ключом.

– Это ты, Уле-Александр? Хорошо, нечего сказать! Навёл тут беспорядок, наговорил незнамо чего о нашей квартире. Ты поступил плохо.

– Окей. Плохо так плохо. Но я не знал, что ещё придумать, чтобы они не согласились тут жить.

– Мы с папой хотим, чтобы нам всем было хорошо. Завтра мы поедем посмотреть их квартиру в Тириллтопене. Ты, наверно, тоже хочешь съездить с нами, посмотреть, как тебе там понравится.

– Их устроила наша квартира? Хотя я наговорил про неё столько гадостей?

– Да. Они сказали, что квартира очень уютная.

– Так я и знал. Они сразу поняли, что это самая лучшая в мире квартира.

– Нам тоже жалко отсюда уезжать, – ответила мама. – Но и переехать в новое место тоже интересно, это как приключение.

– Я могу с вами завтра съездить, – ответил Уле-Александр. – Но мне там не понравится, это совершенно точно.

– Мы поедем завтра после обеда, – сказала мама.

– Монсу можно с нами?

– Конечно. И если мы вдруг переедем, он сможет навещать тебя часто-часто.

– Хм. Он так и сделает. Но чем это поможет в те дни, когда он не приедет меня навестить?

На другой день мама пристроила Кроху с Пуфом тёте Петре, а сама с Уле-Александром и Монсом села в папину старенькую машинку, и они покатали в Тириллтопен.

– Хорошо кататься на машине! – сказал Монс. – Эх, если бы у нас не такое грустное дело было, то мы бы ещё лучше покатались.

Уле-Александр хмыкнул:

– А вот папе повезло, может каждый день кататься на машине туда и обратно.

– Видишь ли, я хочу переехать не только потому, что мне ездить далеко. Там нам будет просторнее. За дверь вышел – уже на природе.

– В городе тоже везде природа, – возразил Уле-Александр.

– Далек тебе до школы будет, – заметил Монс.

– Об этом я и не подумал. Придётся мне ночью из дому выходить или у тебя оставаться.

– Тебе проще будет перейти в другую школу, поближе к Тириллтопену, – сказала мама.

– О, ещё и школу менять, – откликнулся Уле-Александр.

– Не сейчас, после Нового года, – объяснил папа.

Уле-Александр замолчал. Всё было ужасно. Но как бы не стало ещё хуже от его слов.

Они долго ехали и в конце концов поднялись на возвышенность. С одного её края были поле и лес. С другого – вековые ели. А в центре белели высокие дома.

– Приехали, – сказал папа. – Так, давайте посмотрим – наш корпус справа от того дальнего.

– Откуда ты знаешь? – удивился Уле-Александр. – Они все совершенно одинаковые.

– Зато номера у них разные, – ответил папа.

– Я не смогу тебя навещать, – грустно сказал Монс. – Я наверняка корпус перепутаю и стану звонить в чужую дверь. Представляешь, дверь открывается, а там не ты...

– Ты быстро запомнишь, – успокоила мама. – Какой прекрасный тут воздух, чистый, свежий. Уле-Александр, а там под деревьями отлично играть в индейцев.

– Мне в парке гораздо больше нравится.

Наконец машина остановилась, и папа сказал:

– Вылезайте, пожалуйста.

Они вошли в дом, поднялись на третий этаж, и папа позвонил в дверь.

– Всего третий этаж? – тут же спросил Уле-Александр.

– Да, – сказал папа, – но вид очень хороший. Пойдём, сам посмотришь.

Послышались шаги, потом дверь открылась. На пороге стояла та девочка, которая приезжала смотреть высокий дом Уле-Александра. Она взглянула на них очень серьёзно, сделала книксен, но ничего не сказала.

В конце концов мама заговорила сама:

– Можно нам войти? Я знаю, что мама с папой нас ждут.

Так же ни слова не говоря девочка широко распахнула дверь, чтобы они смогли войти, и убежала в глубь квартиры.

В прихожую вышла её мама:

– Добрый день, заходите-заходите. Пожалуйста, ходите, смотрите. Если что – спрашивайте.

– А деревянный дом есть поблизости? – тут же спросил Уле-Александр.

Хозяйка удивилась, но ответила:

– Совсем поблизости нет. Но по воскресеньям мы иногда гуляем вон в том лесу и там видели избушку.

– А мальчик в ней живёт?

– Нет, думаю, что нет. Я там давно не была, но когда проходила мимо последний раз, то видела лишь старика со старухой.

– Угу.

Взрослые разбрелись по квартире, Уле-Александр и Монс таскались за ними по пятам. Но когда они дошли до будущей комнаты Уле-Александра, он оживился. Сейчас в ней жила девочка. В комнате стояла детская кровать, а на диване рядами были рассажены куклы.

Потом взрослые сели в гостиной пить кофе.

Монсу, Уле-Александру и маленькой девочке дали лимонад с пирожными. Никто из троих не проронил ни слова.

Зато взрослые говорили и говорили. Спрашивали и отвечали. Все были весёлые и довольные. И так хорошо понимали друг друга, что ужас один. Ничего страннее Уле-Александр в жизни не переживал. Вот он сидит гостем в квартире, которая вроде как должна будет стать ему домом. Так всё равно не получится, даже если он сюда переедет... И вообще он не хочет здесь больше находиться.

Уле-Александр подёргал маму и спросил, можно они с Монсом выйдут погулять.

– Можно, – разрешила мама. – А девочка не хочет с вами пойти?

Эта идея не показалась Уле-Александру блистательной, но мама смотрела так твёрдо, что он не решился не спросить.

– Пойдёшь с нами? – обратился он к девочке.

Она покачала головой:

– Нет. Мне надо следить, чем дело кончится.

– Понятно, – кивнул Уле-Александр и позвал: – Монс, пошли!

Монс ел не спеша. И теперь забеспокоился, что придётся уйти от таких прекрасных пирожных. Те два, что уже лежат на его тарелке, он ведь точно может прихватить с собой?

На улице уже стемнело. Во всех окнах горел свет.

– Когда с улицы смотришь на дома, кажется, что в них уютно, – заметил Монс.

– Какая здесь гадкая тишина, – поморщился в ответ Уле-Александр. – Трамвая и того не слышно.

– И пожарной машины нет, – добавил Монс.

– Всё здесь плохо, – сказал Уле-Александр.

На самом деле ему было и чуточку интересно тоже, но этого он не хотел говорить вслух, потому что заранее твёрдо решил, что в Тириллтопене ничего хорошего нет.

К тому же всё здесь было устроено как-то странно. Слева стояли одинаковые корпуса с номерами. Справа простиралось поле. А за полем чернел густой лес.

– Пойдём на разведку? – сказал Уле-Александр. – Через поле в тёмный лес.

– Пойдём, – согласился Монс, – хотя не хочется...

Уле-Александр шёл первым, Монс – за ним. Ещё не наступила полная темнота и было видно, куда ставишь ногу, так что шагали они бодро.

– Обратную дорогу мы легко найдём, – сказал Монс. – Все окна светятся.

– Светятся, а потом раз – и потухнут!

– Нет, чур меня, так я думать не хочу, – поёжился Монс.

– Мы идём в чащу леса, куда глаза глядят. Скажи? Вперёд и вперёд, день и ночь.

– И дома у нас нет, – добавил Монс.

– Представь себе, а ведь у кого-то нет дома, – сказал вдруг Уле-Александр. – Мне их очень жалко. Это гораздо хуже, чем переезд.

Они дошли до первых ёлок на краю леса.

– А в лесу темно, – сказал Уле-Александр.

– Как в чёрной норе, – ответил Монс. – Помнишь, как нам летом стало однажды страшно в лесу среди бела дня? А теперь мы не боимся даже тёмной ночью в него зайти. Представляешь?

– Потому что мы выросли с тех пор, – ответил Уле-Александр.

Хрустнула ветка.

– Слышал? – спросил Уле-Александр.

– Угу.

– Давай спрячемся, чур, я за это дерево, – быстро сказал Уле-Александр, перейдя на шёпот.

– Ага, – шепнул Монс и в секунду исчез за другим деревом.

Уле-Александр тоже спрятался за другим деревом. Мальчики стояли затаив дыхание, но треска веток больше не слышали. Только гулко гудел ветер в верхушках высоких ёлок и гнул их.

– Давай за одним деревом прятаться, – тихо предложил Монс.

– Нельзя, – прошептал Уле-Александр. – Вдвоём нас сразу увидят.

– Нет, – горячо и убеждённо ответил Монс, – они наверняка примут нас за большой куст. Всё-таки жалко, что ты тут пока не живёшь. Мы бы сейчас спрятались у тебя дома и больше сегодня на улицу не ходили бы.

С дороги донёлся свист.

– Это папа нас ищет, – сказал Уле-Александр. – Это наш с ним свист. Давай ответим, что мы тут. – Уле-Александр посвистел в ответ и сказал Монсу: – Бежим!

Но бегун из Монса был никакой. Он всё время спотыкался, ноги у него заплетались, он то и дело падал, но вставал и бежал дальше. Время от времени они останавливались и пересвистывались с папой, чтобы проверить, куда бежать. Наконец все трое встретились на лесной дороге.

– А я испугался, что вы от меня в лес сбежали, – сказал папа.

– Мы сбежали, – объяснил Уле-Александр, – но потом услышали твой свист. А так бы мы бежали день и ночь, пока не очутились бы незнамо в какой стране за тридевять земель.

– Предлагаю летом сходить в этот лес в поход с палаткой, – ответил папа.

Они вместе вернулись к машине. Мама очень долго прощалась с хозяевами квартиры, но в конце концов пришла и она, теперь можно было ехать.

– Страшно подумать, сколько теперь дел предстоит, – сказала она. – Чтобы управиться к Рождеству, надо начинать паковать вещи прямо сейчас. Конечно, мы многое повикидываем – у нас за эти годы столько баракла накопилось.

– Я ничего выкидывать не буду, у меня баракла нет, – твёрдо сказал Уле-Александр. Тем более что я вообще не буду переезжать. Лучше останусь жить один в нашем доме, а вас буду навещать по воскресеньям.

– И ещё я придумала шутку, – не унималась мама. – Бабушку с дедом мы застанем врасплох. Мы ничего им заранее не скажем.

– И будем такими загадочными, как бабушка, когда она собралась летать на самолёте? – спросил Уле-Александр.

– Да, – сказала мама, – только это нелегко сделать. Во-первых, не надо им ничего говорить. Во-вторых, надо под любым предлогом не пускать их в дом, пока мы пакуем вещи.

– Я вам помогу, – серьёзно пообещал Монс.

И хотя всё было плохо и грустно, Уле-Александр вдруг захохотал так, что аж слёзы из глаз – больно уж чудной вид был у Монса. По счастью, Монс не обиделся. Наоборот, сам стал смеяться со всеми вместе.

Машина остановилась у большого дома. Монс пошёл к себе, а Уле-Александр с родителями заглянули к тётке Петре, чтобы забрать остальных членов семьи. Теперь и Уле-Александру некогда было огорчаться, потому что Пуф на радостях затеял с ним возню и чуть не опрокинул его.

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕЕЗДУ

С тех пор как мама, папа и Уле-Александр съездили в Тириллтопен, прошло несколько дней. И странное дело – теперь Уле-Александру приходилось не на шутку стараться, чтобы всё время сердиться из-за переезда. По правде говоря, вся затея с переездом стала казаться ему приключением. По вечерам в постели он думал, сколько нового его ждёт, а днём все кругом только и спрашивали, когда он переезжает. И вид у них был такой растерянный, что не захочешь, а рассмеёшься.

Тётя Петра очень огорчалась, это Уле-Александр знал наверняка. Но она вела себя так странно, что Уле-Александр только хихикал.

Но как-то она сама окликнула Уле-Александра:

– Эй, Уле-Александр, зайди потолковать. Это правда, что вы переезжаете?

– Правда, – ответил Уле-Александр с серьёзным видом.

– Ну и ну! Ида, Оливер и Монс в отчаянии, да я сама места себе не нахожу. Куда же вы уезжаете – в Арктику или на Северный полюс?

– Нет, нет, – ответил Уле-Александр. – Мы переезжаем в Тириллтопен, за город.

– Всего-то? Отличные новости, это же совсем недалеко. Мы сможем вас там навещать. Устроить воскресную вылазку за город и погостить у вас. А ты приедешь к нам в столицу. Мы тебя примем как дорогого гостя, по-настоящему. И останешься на весь день. Будет отлично, вот увидишь.

– Хм, – сказал Уле-Александр, а сам ненароком улыбнулся, представив себе всё это.

– А ещё я подумала, что можно бы устроить из вас клуб «Четыре друга». Например, по средам Идины родители работают допоздна, их весь вечер нет дома, так это был бы прекрасный клубный день.

– Да, – сразу согласился Уле-Александр. – Сейчас я себе запишу, а потом побегу расскажу Монсу.

Едва поздоровавшись с Монсом, Уле-Александр понял, что пришёл очень вовремя. Монс был серьёзен и печален.

– Я решил сделать тебе подарок, – сказал он, вручая Уле-Александру большой круглый свёрток. – Я хочу, чтобы у тебя осталась память обо мне. До свидания. Спасибо тебе, друг!

С этими словами он протянул Уле-Александру руку для пожатия.

– Слушай, я ещё никуда не уехал!

– Почти уехал, – серьёзно ответил Монс, – поэтому гулять я больше никогда не пойду. Зачем? Буду сидеть у окна, смотреть вдаль, и всё.

– Да? А папа спрашивал, не сможешь ли ты нам паковать. Ты очень сильный, а там надо таскать и складывать.

– Он сказал, что я сильный? Тогда я, конечно, помогу. Я прямо сейчас пойду.

– А у меня приятные новости. Тётя Петра сказала, чтобы мы приходили к ним каждую среду, у нас будет клуб друзей.

– Она так сказала? А когда ты уедешь, клуб будет продолжаться?

– Конечно.

– Здорово! Ладно, может, я и буду иногда гулять.

– Тогда надо тебе вернуть подарок? – спросил Уле-Александр.

– Нет, он пусть останется. А «спасибо» и «до свидания» я заберу.

– Забирай, – ответил Уле-Александр.

Подарком оказался фонарик, который самому Монсу подарили на день рождения. Уле-Александр очень растрогался, что Монс не пожалел ему даже фонарика.

– Идём к тебе, покажу свою силу, – сказал Монс.

– Идём, – кивнул Уле-Александр.

Квартира Уле-Александра выглядела странно. Везде стояли ящики. Чашки и тарелки уже вынули из серванта, чтобы запаковать и отвезти в новый дом.

– Вот и я! – сказал Монс. – Что куда нести? А возьму-ка я пианино в одну руку, а стол Уле-Александра – в другую.

– Спасибо, – ответил папа, – но пока рано выносить вещи из квартиры. Грузовик ещё не заказан. Сегодня вы будете помогать мне паковать книги.

– Да я их за один раз все снесу, – сказал Монс и засучил рукава свитера.

– В этом мало толку, – ответил папа. – Лучше берите по две книжки и аккуратно складывайте в ящик.

Тут раздался звонок в дверь. Пришли Ида с Оливером.

– Говорят, Монс у вас, – сказала Ида. – Мы тоже хотим помогать.

– Я не такой силач, как Монс, – объяснил Оливер, – но я могу варить взрослым кофе, а остальным приносить воды попить.

– Хорошо, – сказала мама, – заходите.

Она одолжила у папы его рабочий комбинезон и выглядела как настоящий грузчик.

– Ида, сможешь мне паковать посуду? Надо будет завернуть каждую чашку, чтобы они не побились.

Кроха ходила от одного к другому и очень веселилась. Все эти великаны вокруг неё делали то, о чём сама она мечтала каждый день: вытаскивали книги с полок, снимали со стен картины и фотографии. Стоило Иде завернуть чашку и положить в коробку, как

Кроха тут же доставала её, разглядывала и клала назад. Весёлая жизнь пошла, думала она.

Они работали усердно. Монс таскал книги как заведённый, аж покраснелся.

– Оливер, я пить хочу, – попросил он.

– Минуточку! – крикнул Оливер и помчался за водой.

Наконец они запаковали все книги, и тогда папа сказал:

– Уле-Александр, забирай ребят в спальню, пусть они тебе помогут. Надо сложить твои вещи, все какие есть. Вынимай по одной штуке и решай, в какую коробку класть – или пакуй в ящик «С собой», или бросай в коробку «На выброс».

– Я заберу всё, никакого «На выброс» у меня точно не будет.

Они вчетвером отправились в спальню. Монс взял деревянную лошадку-качалку и лихо засунул её в ящик с игрушками. Но больше туда ничего нельзя было положить, поэтому Монс так же лихо вытащил лошадку.

– Кукла Петра, – сказала Ида, – её ты точно должен взять.

– Конечно, – кивнул Уле-Александр. – Кроха иногда просит её поиграть, но Петра – моя кукла. Клади её в ящик, и эту машинку тоже.

– А у тебя же была настоящая пожарная машина, разве нет? – спросил Монс.

– Была, но я подарил её дедушке на Новый год. Так, каталка, но она сломана.

– Мой папа точно сумеет её починить, – сказал Монс, – и Кроха будет играть в неё в Тириллтопене. Давай-ка я её возьму.

– Спасибо! – обрадовался Уле-Александр. Какой Монс всё-таки хороший: подарил ему фонарик, теперь помогает складывать вещи. Уле-Александру захотелось тоже подарить ему что-нибудь. Только это должна быть стоящая вещь, которая ему самому нравится. Уле-Александр огляделся. Вон заводная гоночная машина. Она очень хорошая, и у Монса такой точно нет.

– Это тебе, – сказал Уле-Александр и протянул Монсу машину.

– Мне?! Я буду её беречь. Я даже играть в неё почти не буду.

– Тогда она точно не сломается, – поддержал Оливер.

Кстати, об Оливере, ему ведь тоже надо оставить что-то на память, иначе он огорчится. И Ида тоже.

Уле-Александр снова огляделся. Иде можно подарить книгу, она обожает рассматривать картинки.

– Ида, а это тебе, – сказал Уле-Александр, отдавая Иде книгу, на обложке которой были нарисованы овца с двумя ягнятами. – Она почти как новая, только уголки страниц кое-где замялись. А тебе, Оливер, я оставляю вот эту игру, потому что в неё можно играть одному. Сидишь дома один, ждёшь маму и играешь.

– Спасибо! – радостно сказал Оливер, зажал игру под мышкой и убежал.

– Ушёл, – заметила Ида.

– Я тоже уйду, но скоро вернусь, – пообещал Монс и не обманул – минут через пять он уже снова был в комнате.

– Мне надо было поставить машину в гараж, – объяснил он.

Оливер тоже вернулся, оказывается, он сбегал домой и спрятал игру под подушку.

Уле-Александр вошёл в гараж. Он стоял посреди вороха вещей и командовал: «Это с собой. Это на выброс. Это с собой», так что и ящик с игрушками, и коробка на выброс быстро наполнились.

– Теперь тащите коробку на помойку, – сказал папа. – Раз-два-взяли!

– Чур, мы настоящие мусорщики! – закричал Уле-Александр.

У помойки никого не было, но стоило им высыпать из коробки старые игрушки, как откуда ни возьмись набежала ребятня.

Тут был и Малыш Пол-из-палисадника, который больше не откликался на Малыша, и Ханс из старой прогулочной группы Уле-Александра, и много-много разных детей.

Стоило Уле-Александру достать что-то из коробки, чтобы бросить в помойку, как они заводили хором:

– А можно я это возьму? А можно я это возьму?

– Конечно, – отвечал Уле-Александр, – только, чур, чтобы игрушки не валялись по всему двору.

Когда четверо друзей вернулись домой к Уле-Александру, его мама с папой пили кофе, стоя среди разобранной кухни.

– Спасибо вам за помощь, – сказала мама. – На сегодня работа закончена. Завтра упакуем всё, что осталось, а послезавтра приедет грузовик с грузчиками.

– Мы завтра снова придём, – пообещал Монс.

– Спасибо, мы будем рады, – сказала мама.

Но тут зазвонил телефон. Это был дедушка:

– Как у вас дела, дорогие? Что-то мы вас сто лет не видели. Вот, к примеру, Уле-Александр как поживает?

– Он очень много работает, – ответила мама. – А я как раз хотела спросить, не можете ли вы нас выручить и приютить у себя послезавтра Кроху, Пуфа и Уле-Александра?

– С радостью, – сказал дедушка.

– Тогда Уле-Александр придёт после школы, а этих двоих я приведу утром. Они у вас пообедают, а вечером папа всех заберёт, и вас тоже, попьём у нас чаю, – сказала мама и подмигнула всем на кухне.

Уле-Александр так завёлся от маминой придумки, что не мог устоять на месте и всё время подпрыгивал.

– Мы думали с бабушкой зайти к вам вечером, но тогда не стоит, наверно.

– Точно не стоит, – торопливо сказала мама, – у нас тут... важное дело.

– Ещё бы, – ответил дедушка, – скоро Рождество, у всех дела и секреты. Ну ладно, тогда ждём ребят послезавтра.

– Бедный, огорчился, – вздохнула мама. – Но мы никак не можем пустить их сюда сегодня, а то весь наш хитрый план разрушится.

– Послезавтра нам придётся постараться, чтобы к их приезду в квартире уже был порядок, – сказал папа.

– А они будут говорить, что ты везёшь нас не туда, – добавил Уле-Александр.

– Хм. Я им отвечу, что нам надо заехать к одним знакомым, которые здесь живут. И это чистая правда, это мы сами, – предложил папа.

– Да, самих себя мы знаем, – кивнул Уле-Александр. – Представляю, какое у бабушки будет лицо, когда она всё поймёт!

На другой день работы оказалось ещё больше, хорошо хоть Монс с Оливером и Идой пришли помогать.

А вечером Уле-Александр долго стоял у окна. Он смотрел вниз, на маленький домик Монса. Его окошко было тёмным, наверно, уже лёг спать. Тогда Уле-Александр стал смотреть на город, на море огней, на крыши, которые он знал наперечёт.

Сегодня он стоит тут, а завтра вечером будет стоять совсем у другого окна и видеть совсем другую картину.

– Подожди, домик мой хороший, – сказал Уле-Александр. – Вот вырасту и вернусь к тебе. Сейчас-то я ещё не работаю, денег жить одному и платить за квартиру у меня нет. К тому же я не могу бросить папу, маму и Кроху с Пуфом, они очень расстроятся. А по средам я буду приходить к тётё Петре...

– С кем ты там разговариваешь, Уле-Александр? – спросила мама.

– А вот и не угадаешь. Хотя тебе не вредно знать – я разговариваю с нашим большим высоким домом. Ты, наверно, тоже захочешь сказать ему несколько слов перед сном.

– Да, так странно прощаться с ним. Но теперь тебе пора спать, Уле-Александр. Грузовик приедет рано утром, и тебе наверняка захочется на него посмотреть.

– Ещё бы. Грузовик это интересно.

Потом Уле-Александр уснул. А большой высокий дом стоял тихо и молча и, кажется, тоже спал.

ПЕРЕЕЗД

В последний день в большом высоком доме Уле-Александр проснулся ни свет ни заря. Но мама с папой проснулись ещё раньше, уже встали, и мама одевала Кроху.

– Пойду их сразу отведу, – сказала мама. – Хорошо, Кроха не понимает, чем мы тут заняты, а то бы быстро рассказала бабушке с дедом, и плакал наш план.

– Только бы она не начала там книжки с полок снимать, – ответил папа. – Пока мы паковались, её это очень веселило.

– Бабушка за ней присмотрит. Уле-Александр, а тебе во сколько надо в школу?

– В одиннадцать сорок.

– О, тогда у тебя ещё много времени. Из школы иди, пожалуйста, сразу к бабушке и побудь у неё до вечера.

– Угу, – сказал Уле-Александр.

Мама увела Кроху и Пуфа, Уле-Александр остался дома с папой. Мама с вечера наделала бутербродов, чтобы сегодня одной заботой было меньше, и теперь Уле-Александр с папой сидели на кухонном столе, болтали ногами и жевали бутерброды.

– А почему мы раньше так не сидели? – спросил Уле-Александр. Так здорово, как будто мы в походе.

– Правда, – согласился папа. – Они придут сию минуту.

– Кто?

– Грузчики. Они обещали как можно раньше. Понимаешь, когда меняешься квартирами, проще всего переезжать одновременно. Эх, не успели мы порядок здесь навести.

– Что ты! Мама только и делала, что всё мыла.

– Будем надеяться, что грузовик из Тириллтопена стартует одновременно с нашим, – сказал папа.

– Тогда они, быть может, встретятся по дороге. Вот будет смешно – одна мебель здороваётся с другой!

Тут раздался звонок в дверь. Уле-Александр спрыгнул со стола и помчался открывать.

На пороге стояли четверо крепких мужчин.

– Привет, парень. Это ты, что ли, переезжать собрался?

– Похоже на то, – ответил Уле-Александр. – Заходите, пожалуйста.

Они обошли квартиру, и старший сказал:

– Это всё поместится в одну машину. Начнём с пианино, это самое сложное.

У каждого из них был перекинут через плечо широкий ремень, а к нему пристёгнута верёвка с крюком. Теперь они зацепили пианино крюками снизу и подняли его.

– Жалко, оно в лифт не влезает, – вздохнул самый низкий грузчик. – А то долго его по лестнице тащить.

– Для лифта оно небось слишком тяжёлое, – ответил второй.

Уле-Александр тихо шёл за грузчиками следом. Он хотел убедиться, что с пианино всё в порядке. Вдруг оно выскользнет у них из рук и покатится кубарем вниз? Шуму наделает на весь дом. Да и разобьётся, наверно. Но грузчики явно перевозили пианино не первый раз. Они ступали уверенно и аккуратно. На каждой площадке останавливались отдохнуть, но недолго и снова продолжали путь.

Папа, чтобы не терять времени даром, загрузил в лифт стулья и повёз их вниз. Он успел перевезти уйму вещей, пока грузчики спускали пианино.

Дальше надо было поднять пианино в грузовик. Ужас, какие это усилия для грузчиков! Но в конце концов пианино водрузили в кузов целым и невредимым.

– Стой тут и сторожи, – велели они Уле-Александру. – Следи, чтобы никто не залез в кузов, а то сейчас быстро найдутся музыканты-любители.

– Я вам помогу, – кивнул Уле-Александр. – Только сбегаю домой за ранцем и курткой, чтобы потом сразу пойти в школу.

– Давай. Поднимемся вместе на лифте.

Гостиная выглядела без пианино очень странно, но времени всё рассматривать у Уле-Александра не было – он же взялся грузчикам помогать.

Тем временем рядом с грузовиком собрались окрестные ребята. Монс, Ида, Оливер и ещё много народу, кого-то Уле-Александр знал, а некоторых нет.

Все провожали глазами каждую вещь, которую приносили папа с грузчиками.

– Какие у вас стулья старые, – сказала маленькая девочка. – Наверняка даже старинные.

– Ничего подобного, – ответил Уле-Александр. – Просто они не любят переезжать, поэтому у них вид потерянный.

– А чего у вас так мало мебели? – сказала девочка. – У нас три таких больших кресла и ещё диван.

Тут Монс рассердился:

– Если у тебя три кресла и диван, иди домой и сиди на них. Нам не нравится, что ты плохо говоришь о вещах Уле-Александра.

– Да, нам не нравится, – сказал Уле-Александр. Он смотрел на вещи в грузовике и чувствовал, что каждый предмет ему дорог. Он знал каждую трещинку на них. И радовался, что они тоже поедут в новую квартиру.

Может, они немного старомодны и чуть потрепанны, но Уле-Александру они гораздо дороже новых, но непривычных и неродных.

Принесли его кровать. Краска с одной стороны облупилась почти вся. Раньше он этого не замечал, но на свету облезлость сразу бросилась в глаза. «Ничего, – сказал он себе, – это мы подкрасим. Пустяковое дело – берёшь краску, кисточку и вперёд. Надо будет с папой об этом поговорить».

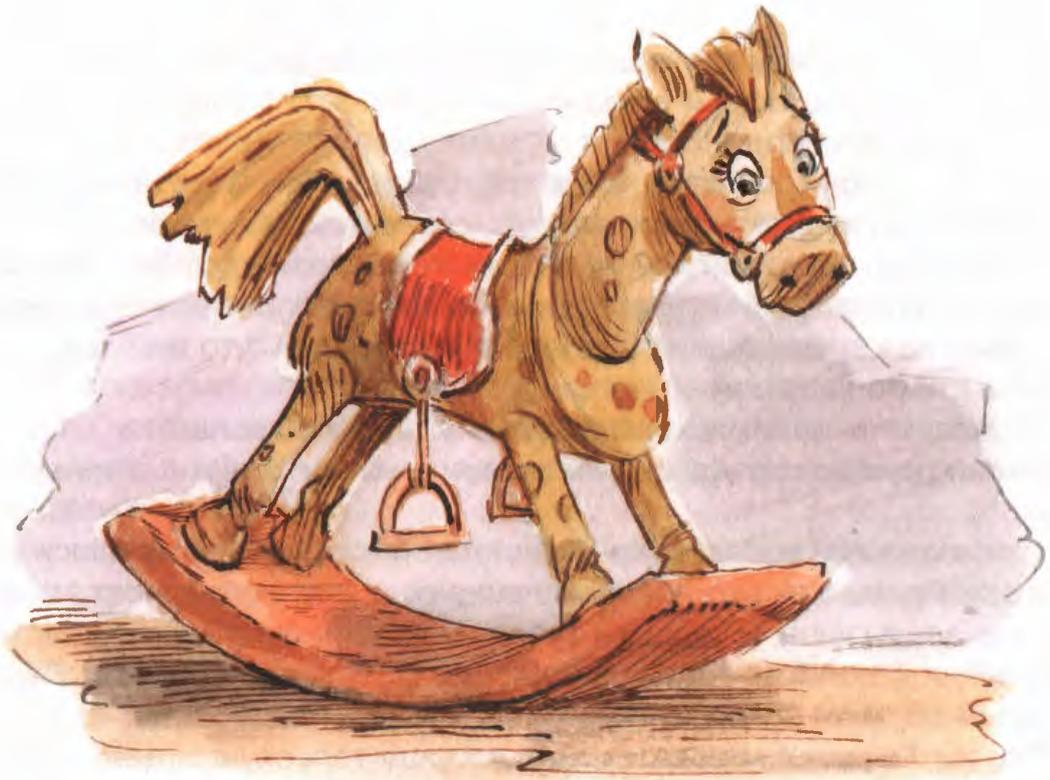
Потом погрузили кроватку Крохи и родительскую, ящики, чемоданы, коробки и обёрнутые газетой свёртки. Папа принёс из подвала санки, лыжи, их с мамой велосипеда и трёхколёсный велосипед Уле-Александра, который перейдёт по наследству Крохе.

Грузчики спустились в последний раз, они несли большой ящик, сверху которого лежала деревянная лошадка. Она удивлённо качалась туда-сюда, не понимая, зачем её куда-то увозят.

Грузчики подняли борта, закрепили и привязали мебель и проложили тюками, чтобы она не стучалась друг о друга.

Грузовик тронулся с места и выехал со двора. Последнее, что увидел Уле-Александр, – деревянная лошадка, которая прощально махала ему хвостом.

По дороге из школы ноги сами привели Уле-Александра к большому высокому дому. Вообще-то Уле-Александр знал, что после уроков надо идти к бабушке с дедушкой, но вспомнил об этом только на лестнице перед подъездом. Вспомнить он вспомнил,

но подумал: «Зайду в квартиру последний раз. Ключ у меня есть. Посмотрю, захочется ли мне жить там одному».

Он взлетел по лестнице и вставил ключ в замок. В квартире было пусто. Совсем. И очень противно пусто. Никаких привычных вещей. Всё казалось незнакомым. Уле-Александр бросился к окну. Взглянул вниз – и снова почувствовал себя дома. Обернулся и сказал: «Прощай!» Но до чего же странно стал звучать его голос! Звуки как будто отскакивают от стен. Уле-Александр пробежался по квартире, заглянул в кухню, спальню, ванную. «Прощай, прощай, прощай!» Ну вот, попрощался. А теперь надо поскорее уходить, слишком странно тут находиться.

Он закрыл за собой дверь, обернулся – и увидел на площадке двух грузчиков с диваном. Вот оно что, новенькие уже приехали.

Хорошо, что он успел уйти из квартиры и не увидит, как её заставят чужими вещами.

Вниз по лестнице он мчался со всех ног, ему хотелось поскорее оказаться у бабушки с дедом. Но попал, как говорится, из огня да в полымя – дед с бабушкой сразу стали выведывать у Уле-Александра, что у них творится.

– Вы правда не хотите, чтобы мы приходили к вам в гости? – начала бабушка.

– Нет, что ты, – Уле-Александр помотал головой и засмеялся.

– Вы, что ли, полы покрасили? – предположил дед. – И никому нельзя ходить по ним, пока не высохнут?

– Нет, не угадал, – помотал головой Уле-Александр.

– Скажи – вы что-то очень странное затеяли? – спросила бабушка.

– Да, – кивнул Уле-Александр с очень серьёзным видом, – очень странное.

Дед с бабушкой изменились в лице и с ужасом смотрели на него. Наконец бабушка попросила:

– Скажи, на какую букву начинается.

– «П», – сказал Уле-Александр. – И больше не спрашивайте. Я ничего не скажу, сколько не выпытывайте.

– «П», – протянул дед, – много слов начинается на «П»... Бабушка, а мы будем этого юношу кормить? Мы вроде ему обед обещали.

– «Обед», – повторила за ним Кроха, а Пуфф наострил уши и замахал хвостом.

– Обед! – сказала Кроха громче и потянула бабушку за юбку.

– Обед! – наконец закричала она.

– Сейчас будет всем обед, – ответила бабушка. – Садись за стол, пожалуйста.

Кроху посадили на несколько подушек, чтобы она доставала до стола. Она немедленно схватила ложку и стала лупить по всему, до чего могла достать.

– Кроха, нет, нет, – сказал Уле-Александр.

– Нет, нет, – ответила Кроха и закрыла лицо растопыренными пальцами.

К счастью, на этих словах бабушка внесла еду, Кроха увлеклась ею и больше не стучала ложкой.

Уле-Александр очень нравилось у бабушки с дедом, но день тянулся слишком медленно. Уле-Александр чувствовал себя как-то странно. Он никак не мог забыть, что сегодня он переезжает на новую квартиру.

И мучился, что ни с кем не может об этом поговорить. Пару раз он едва не проговорился, но каждый раз вспоминал, как мама с папой мечтали сделать бабушке с дедом сюрприз, и сдерживал себя.

Наконец вдали что-то заклацало и забряцало. Это ехал папа на своей машине. Уле-Александр очень обрадовался, он выскочил в прихожую и прямо в дверях сильно-сильно обнял папу.

– Не проговорился? – шепнул папа ему в ухо.

И Уле-Александр страшно обрадовался, что выдержал и не проговорился. Он прижал палец к губам и кивнул.

– Всем привет! – крикнул папа. – Все готовы ехать?

– Ты уверен, что нам стоит с тобой ехать? Мы можем и дома посидеть, раз вы так заняты, – сказала бабушка.

– Нет, не можете, – весело ответил папа. – Если я вас не доставлю, со мной две недели разговаривать не будут. Скорее одевайтесь, машина ждёт у дверей.

– Нам тут идти пять минут, – сказала бабушка, – машина и не нужна вовсе. Но я так люблю кататься! После самолёта это моё самое любимое развлечение, так что я рада прокатиться.

Уле-Александр с Крохой залезли в машину вместе с бабушкой, дедом и Пуфом.

– Вы там хоть порядок навели? – шепнул Уле-Александр папе.

Тот кивнул:

– Да. Тише, тише, они могут подслушать!

– А куда ты нас везёшь? – тут же спросила бабушка. – Тебе же надо было наверх и направо. Ты забыл, где живёшь?

– Я-то знаю, а вы нет, – чуть слышно промямлил папа, зарывшись носом в шарф.

– Теперь поворачивай налево, – сказала бабушка.

– Правда, надо было налево, – вмешался и дед. – Ты сегодня усталый какой-то. Голова не кружится?

– Всё в порядке, – сказал папа. – Я забыл сказать, что мне надо сначала заехать кое-куда по делу. Я подумал, что вы любите кататься и не откажетесь от маленькой экскурсии.

– Вот в чём дело! – кивнула бабушка. – Прокатиться – это мы с удовольствием.

Уле-Александр прикусил варежку, чтобы только не расхохотаться. У бабушки был такой удивлённый вид, что смотреть без смеха невозможно.

– Ничего себе! – присвистнул дедушка, когда они доехали до городской окраины. – Сколько домов понастроили! Когда я молодой был, тут одни леса да поля были.

Они проехали ещё немного, и машина остановилась.

– Ну вот, – сказал папа. – Это здесь.

– Ты туда надолго? – спросила бабушка.

– На некоторое время, – ответил папа. – Пойдёмте лучше все вместе. Там нас, наверно, кофе угостят.

– Как можно, – всполошилась бабушка. – Мы тут в машине подождём.

– Не робейте, – настаивал папа.

– Глупости какие, – отнекивалась бабушка. – Я не одета для гостей и волосы не уложила. Как я пойду к людям в таком виде?

– Прекрасный вид. Пойдёмте.

– Честно говоря, я бы от чашечки кофе не отказался, – сказал дед. – Да и холодновато тут в машине сидеть. Пойдём сходим, – позвал он бабушку.

Они пошли к подъезду. Бабушка замыкала шествие, но шла вместе со всеми.

– Ты бы сначала спросил, насколько это удобно, – сказала она папе.

– Я спрошу конечно же, – ответил папа.

– Они поднялись по лестнице, и на третьем этаже папа позвонил в дверь. Она открылась, но никого не было видно.

– Можно со мной придут бабушка с дедом, мои дети и моя собака?! – крикнул папа.

– Да, – пропищали из-за двери.

– Ну вот, сами слышали, – сказал папа.

Они вошли в квартиру.

– Смотри, комод точно как у вас дома, – шепнул дедушка Уле-Александрю.

Уле-Александр бодро кивнул.

– Вешайте пальто тут, в прихожей, и проходите в кухню, – сказал папа. – Хозяйка, видно, на кухне, кофе варит.

– Она уже в возрасте, да? – спросила бабушка. – Голосок какой-то слабый.

– Посмотрите-ка, – сказал дед. – И диван у них, точно как у вас, и стулья. До чего же теперь всё во всех домах одинаковое. Ой, а на пианино фотография нас с бабушкой!

– Что ты говоришь? – всполошилась бабушка. – Это мне неприятно.

– Как раз очень приятно, – ответил Уле-Александр. – Дед, иди сюда. Смотри какая комната. Кто, думаешь, будет в ней жить?

– Эту кровать я видел и раньше, – задумчиво сказал дед. – И лошадку тоже...

– Я, пожалуй, сяду, – вымолвила бабушка. – Это ваша квартира? Вы здесь будете жить? Это мы к вам на кофе приехали?

– Да, – сказала мама. Она стояла в дверях с подносом в руках. Уле-Александр рассмеялся и закричал:

– А вот и сюрприз! Сюрприз на букву «П»! Сюрприз на букву «П»!

Бабушка только моргала и разевала рот. Но вот заговорила снова:

– Ну вы даёте! Какие молодцы – никто не проговорился!

Они попили кофе, потом Уле-Александр стал обходить квартиру, комната за комнатой. В спальне мама укладывала Кроху спать и пела ей, точно как пела в большом высоком доме.

– Это почти как дома, – сказал Уле-Александр.

– Дома? Знаешь, где мы с тобой и с папой, с Крохой и Пуфом, там и дом, – ответила мама.

– И где наши знакомые вещи.

– Да, – сказала мама. – Добро пожаловать, Уле-Александр. Я думаю, нам здесь будет хорошо, как и там было.

– В квартире-то да, – сказал Уле-Александр. – Но на улицу я никогда не выйду. Разве что в школу схожу, и всё.

– Тебе и на улице наверняка понравится, – сказала мама. – Надо просто привыкнуть, устроиться.

– Нет и нет, – сказал Уле-Александр.

Теперь нам придётся ждать до следующей главы, чтобы узнать, кто был прав – мама или Уле-Александр. А ты как думаешь?

УЛЕ-АЛЕКСАНДР В ТИРИЛЛТОПЕНЕ

В первые недели в Тириллтопене Уле-Александр вёл себя так, будто всерьёз решил тут на улице не показываться. Из дому он выходил, только чтобы доехать до своей старой школы в городе. Папа сказал, что он будет продолжать учиться в ней до Рождества. Ехать до школы было долго, но Уле-Александру это даже нравилось. Поначалу мама с Крохой провожали его до автобуса, но теперь он привык и справлялся сам. А после школы он снова садился в автобус и ехал домой. Войдя в квартиру, он сразу переобувался в тапки, потому что больше до конца дня никуда выходить не собирался.

Сейчас, под Рождество, это было даже кстати, потому что и дома дел невпроворот: помочь маме, она пекла сладости впрок, приготовить подарки, всё украсить. Короче, время бежало очень быстро.

Так проходили все дни, кроме среды, потому что тётя Петра сдержала своё обещание. По средам Уле-Александр обедал у них с Идой, а потом приходили Монс с Оливером и открывался клуб «Четыре друга». Иногда они рисовали, иногда наряжались и разыгрывали спектакли, а иной раз просто болтали, как в старые времена, когда Уле-Александр ещё жил в большом высоком доме.

Возвращаясь вечером от тёти Петры, Уле-Александр бегом бежал от автобуса домой. Завидев ребят на дороге, он отступал в сторону и давал им пройти. Знать он их не знал и желания встречаться с ними не имел.

По средам он так пробежал мимо всех, а в остальные дни сидел дома взаперти. Но как-то в пятницу мама с папой легли после обеда отдохнуть, Кроха играла в спальне на полу, а Уле-Александр слонялся по дому, не зная чем себя занять. Делать ничего не хотелось, решил в окно посмотреть. Занавески в гостиной мама уже задёрнула, но Уле-Александр просунул голову между ними. Что это такое странное за окном? Лёгкие белые хлопья кружат в воздухе. Сначала они опускались медленно и долго танцевали у земли, прежде чем коснуться её, но вдруг заторопились, повалили густо и первые поспешно ложились на землю, давая место следующим.

Изо всех домов на улицу потянулся мелкий народец в красных вязанных шапках, шарфах и варежках. Это дети спешили поиграть в снегу. Они осторожно ступали по нему и оставляли красивые цепочки следов.

Уле-Александр разволновался. Ему хотелось на снег. Хотелось тоже рисовать красивые следы. Он ведь может гулять один. Он не обязан ни с кем разговаривать.

Уле-Александр быстро отыскал свои зимние ботинки, а куртка, шарф, шапка и варежки как будто наделись на него сами. Пяти минут не прошло, а он уже бежал вниз по лестнице, выскочил на улицу и сбавил ход. Везде толклись ребята. Угу, но он может погулять у стены за домом. Там никого нет.

Уле-Александр утаптывал ногами снег и сделал большой круг. Потом прошёлся через круг. Сейчас бы самое время поиграть в тропинки, но для это нужен второй игрок, а его нет. А ещё можно рисовать на снегу ногой, подумал Уле-Александр – и занялся этим. Порисовал-порисовал и снова взялся обтаптывать свой круг.

Наконец остановился, решил передохнуть.

Вокруг стояли дома, Уле-Александр научился различать их. Вот у соседнего дома кто-то ходит. Что-то вытаптывает на снегу.

Сперва Уле-Александру показалось, что он видит самого себя в зеркале. Но так точно не могло быть. Потому что он стоял

на месте, а тот второй ходил и ходил по кругу. Вот остановился и посмотрел на Уле-Александра. И Уле-Александр сразу включился и стал ходить по своему кругу. Ходил и ходил, пока голова не закружилась. Он остановился и взглянул на второго мальчика. Тот всё это время стоял, но теперь снова начал ходить по кругу. Уле-Александр чуть не рассмеялся, уж больно было похоже на игру: как только Уле-Александр останавливался, второй мальчик начинал движение, а едва он выключался, включался Уле-Александр. Один раз мальчик остановился, вышел из круга и сделал несколько шагов в сторону Уле-Александра, но тут же развернулся и возвратился в круг.

Но в следующий раз мальчик прошёл чуть дальше, прежде чем развернуться, а Уле-Александр в свою очередь тоже протоптал путь почти до самой его дорожки, и в конце концов они с мальчиком встретились.

– Теперь у нас есть дорожка между нашими кругами, – сказал Уле-Александр.

– Угу, – ответил второй мальчик. – Ты тоже здесь новенький?

– Да, а ты?

Мальчик кивнул.

– А моего лучшего друга зовут Монс, – сказал Уле-Александр. – Он живёт, где я раньше жил. И ещё там есть Оливер и Ида.

– Моего приятеля звали Карл, – сказал мальчик. – Я много кого знал там у нас, а тут никого.

– Теперь ты меня знаешь, – напомнил Уле-Александр.

– Ага. Снеговика построим?

Уле-Александр очень обрадовался, теперь у них было общее дело и надолго. Сперва они взялись катать снежные шары, каждый катал свой. Катали, катали, шары становились всё больше и больше. Под конец мальчики едва могли перекувырнуть свои шары, даже когда наваливались всем телом.

– Вроде хватит, – сказал другой мальчик.

Они поставили один ком в центр и присыпали снизу снегом, чтобы он стоял крепко и надёжно. Теперь надо было водрузить

на него второй шар. Они взялись за него вдвоём, с трудом подняли и стали подпихивать вверх. Шар с трудом закатился на нижний и встал на место. Правда, от него откололись большие куски, но Уле-Александр с мальчиком легко прилепили их на место. Наконец они приставили снеговика голову, оглянулись и вдруг увидели, что вокруг собралось много ребят и они внимательно смотрят на них и снеговика.

– Дать тебе деревяшку нос сделать? – спросил один.

– Давай, – сказал Уле-Александр.

– А вот ему палка, сунь под мышку, – сказал другой.

Уле-Александр так увлёкся, что давно потерял счёт времени. Но вдруг раздался мамин голос:

– Уле-Александр, пора домой, ужин на столе!

И тут же открылось другое окно и другая мама крикнула:

– Фритьоф, до-о-мо-ой!

– Это наверняка тебя зовут, – сказал Уле-Александр.

– А до того – тебя! – сказал Фритьоф. – Мне пора. До завтра!

– До завтра!

Домой Уле-Александр шёл весёлый и счастливый.

– Хорошо, что ты меня позвала, – с порога заявил он маме. – Так другой мальчик узнал, как меня зовут.

Уле-Александр немного нервничал, как бы мама не поймала его на слове. Он ведь раньше говорил, что в Тириллтопене никогда-никогда гулять не будет, а сам вот что. Но мама ничего не сказала и вела себя как обычно.

– Давай сразу ужинать и в кровать. Тебе завтра рано вставать, чтобы в школу успеть.

– Я и забыл совсем, – вздохнул Уле-Александр.

– Вот перейдёшь в здешнюю школу, тогда, наверно, попроще станет. Не надо будет ездить так далеко.

– Наверно, – кивнул Уле-Александр.

На другой день после обеда раздался звонок в дверь. Мама открыла – на пороге стояла толпа детей. Их было так много, что некоторым не хватило места на площадке и они стояли на лестнице.

– Можно войти? Мы к Уле-Александру, – спросил кто-то из ребят.

Мама стала их считать. Ей пришлось показывать на каждого пальцем, чтобы не сбиться со счёта. Мама насчитала девятнадцать человек.

– Вас много, – сказала мама. – Давайте лучше Уле-Александр сам к вам выйдет, а то столько гостей за раз у нас и не поместится.

– Ага, – сказал какой-то мальчик. – Моя мама тоже так говорит, что у нас на всю компанию места не хватит.

– Я уже иду, – сказал Уле-Александр. Пока мама с ними разговаривала, он успел одеться.

– А новый мальчик где? – спросил он ребят, едва выйдя за дверь.

– Фритьоф? Он уже не новый, он тут три недели живёт. Ты, кстати, тоже уже не новый, ты здесь двенадцать дней прожил.

– Откуда ты знаешь? – спросил Уле-Александр.

– Мы тут всё знаем, – ответил мальчик. – Ты и сам скоро научишься.

Теперь Уле-Александр ходил гулять и это было нетрудно.

Как-то вечером в гости приехал дедушка. Он привёз бинокль и отдал его на время Уле-Александрю. Как же здорово оказалось рассматривать в него город! Он рассмотрел одну половину города, потом вторую и наконец навёл бинокль на центр.

Знаете, что он увидел? Сейчас вы удивитесь, как удивился Уле-Александр. Он увидел что-то очень-очень знакомое. Большой высокий дом стоял и подмигивал ему огнями. Похоже, он совсем не обиделся, что Уле-Александр уехал из него.

Он светился огнями и словно бы говорил Уле-Александрю: «Я стою тут, а ты теперь живёшь там – на горе. Иногда мы встречаемся. Не скучай и до встречи!»

– Спасибо! – сказал Уле-Александр. – И ты не скучай тоже.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На автобусе в одиночку.....	5
Коровы.....	16
Уле-Александр и кукушкино дерево.....	27
Сокровище.....	36
Переезду скажем «нет!».....	47
Шутки в сторону.....	57
Подготовка к переезду.....	67
Переезд.....	76
Уле-Александр в Тириллтопене.....	87

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

УДК821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)
В38

Ole Aleksander på flyttefot
Перевод с норвежского О. Д. Дробот

Вестли А.-К.

В38 Уле-Александр переезжает : повесть / Анне-Кат. Вестли ; пер. с норв. О.Д. Дробот, худож. В.Г. Челак. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2018. – 96 с. : ил.

ISBN 978-5-389-09141-2

Вы уже успели подружиться с Уле-Александром Тилибом-бом-бомом, а он тем временем закончил первый класс. Наступили летние каникулы, и Уле-Александр отправился на хутор, в гости к Монсу. Сколько там всего было! Уле-Александр совершенно самостоятельно путешествовал на автобусе, пас коров, узнал, что такое кукушкино дерево, побывал на деревенском празднике.

Тем временем папа Уле-Александра устроился на новую работу, и родители решили переехать. Но что же делать Уле-Александру? Как ему быть? Ведь все его друзья останутся здесь...

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Ole Aleksander på flyttefot and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1958
[All rights reserved.]

© Дробот О.Д., перевод на русский язык, 2017

© Челак В.Г., иллюстрации, 2017

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
Machaon®

ISBN 978-5-389-09141-2

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине
УЛЕ-АЛЕКСАНДР ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Ответственный редактор *С. В. Рахманова*
Художественный редактор *Ю. В. Разумеева*
Технический редактор *К. А. Путилова*
Корректоры *Т. С. Дмитриева, Н. М. Соколова*
Компьютерная вёрстка *И. И. Лысова*

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 84×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Pragmatica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36.
Тираж 3000 экз. D-VES-17152-01-R. Заказ № 0531/18.
Дата изготовления 15.01.2018.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Есть книги, которые каждому необходимо прочитать в детстве. Среди них – книги известной норвежской писательницы АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ (1920–2008). На родине её имя известно каждому, а её популярность в Европе можно сравнить только с популярностью Астрид Линдгрен. Более чем за полвека литературного творчества Вестли написала 56 книг и получила почётное звание Бабушки Всей Норвегии. Её книги переведены на многие языки и пользуются огромной популярностью во всём мире.

Вы уже успели подружиться с Уле-Александром Тилибом-бом-бомом, а он тем временем закончил первый класс. Наступили летние каникулы, и Уле-Александр отправился на хутор, в гости к Монсу. Сколько там всего было! Уле-Александр совершенно самостоятельно путешествовал на автобусе, пас коров, узнал, что такое кукушкино дерево, побывал на деревенском празднике.

Папа Уле-Александра устроился на новую работу, и родители решили переехать. Но что же делать Уле-Александру? Как ему быть? Ведь все его грузы остаются здесь...

ЕАС